

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

2

ФЕВРАЛЬ 1983

КОСТЁР

2
ФЕВРАЛЬ
1983

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1983 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Конь Разум
рассказ Ю. Туманова	3
Юбилей СИМЕА	5
Скажем войне — нет!
рассказы С. Иванова	6
Барабан	8
Во льдах Белого моря
рассказ В. Бороздина	12
Комсомол на марше пятилетки	20
Адрес известен
очерк С. Махотина	22
Взгляд с вершины
рассказ
о восхождении
на Эверест	24
Уздечка с медными бубенцами
рассказ Ф. Исангулова	28
Твой зарубежный ровесник	30
Пароль
очерк А. Гостомыслова	32
Главный силач республики
воспоминания
Д. Чеховского	35
Школа будущих командиров	38
Морская газета	40
Здравствуй, Робинзон Крузо!
очерк А. Яковлева	42
Веселый звонок	44
Стихи твоих ровесников	47
Арчбек	48

На обложке
рисунок В. Лебедева

23 февраля —
День Советской Армии
и Военно-Морского Флота

ЗА ОБЛАКАМИ — ЗЕМЛЯ

Валерий ГРОМОВ

— Значит, так, — сказал мне старший лейтенант Бережной, — завтра прыгаем с большого самолета. Это тебе не «аннушка», тут компания будет человек шестьдесят.

Мой помощник по укладке — ладный крепыш из Грузии Тимур Коридзе. Второй час подряд мы ползаем с ним около своих куполов на плацу, где, словно пышные постели, расстелены сотни белых и оранжевых парашютов. Часть готовится к прыжкам. Лица у ребят сосредоточенные. Работа непростая, ошибок быть не должно.

Предпрыжковая подготовка за день до высадки — это закон для всех, и даже самый главный генерал не смог бы ее отменить. И дело одной вышкой не кончается. После нее пойдут специальная полоса, макеты самолетов, с которых очень ловко съезжать вниз на железной «каталке». Все это так же обязательно, как и твоя подпись в паспорте парашюта под словами: «Осмотрел. Сухой, исправный». А прыгать завтра. И сегодня мы работаем на это завтра.

— Что вечером, Тимур? — толкнул я Коридзе, мурлыкающего какой-то мотивчик.

— Слушай, у нас распорядок четкий. Ты что, не усек еще? Смотри: утром рацию крутили? Крутили. Потом ты рельсину взрывал? Взрывал. Сейчас вот здесь кувыркаемся... Отсюда выберемся, дадут карту и компас, раскидают по лесу, и будем искать нашего Бережного. Кстати, здесь малины прорва... А напоследок, чтоб спалось хорошо, часок самбо. Каждый день так. Ну, местами занятия меняют для разнообразия... Живем, не скучаем. На прыжках свет клином не сошелся.

— Ну как, не боязно? — спросил меня на укладке капитан Марецкий, проверяя замок на ранце парашюта.

— А вам как? — ответил я вопросом на вопрос, кивнув на значок с изображением парашюта и цифрой 300, летящей по синему фону.

— А всяко... Однажды на свой полторасотый прыжок шел, так веришь — чуть не отказался прыгать. Перед этим, правда, ногу поломал и два месяца на койке провалялся. А так ничего...

Да, я знаю, что главное дело десантников вовсе не в воздухе, а на земле. Там, внизу, их боевая работа. И все-таки прыжок — это идеальная психологическая подготовка к особым условиям, в которых приходится действовать парням в голубых беретах. Прыжок рождает очень нужное чувство: раз могу это, — значит, все могу. Просто необходимое чувство. Для человека вообще противоестественно летать по воздуху. Не дала ему природа крыльев. И в какой же степени противоестествен для человека прыжок с самолета! Но вот парадокс — рождает он не страх, а наоборот, мужество.

С вечера, когда старшина роты выдал комбинезоны, шлемы и ножи-стропорезы, немного погломонили, посмеялись, рассовали по карманам сахар и как-то вдруг затихли.

...Мы стояли на коленях. Когда становилось невозможно оставаться даже в этой позе, валились навзничь, и тугой мешок парашюта, словно удобное кресло, мягко принимал наши усталые спины. Стоять, как все нормальные люди, мы уже не могли. Два купола и остальная десантная «упряжь», давила на шею, грудь, плечи. Автомат больно упирался в поясницу, но было ясно, что ловчее его не пристроить, и потому оставалось только терпеть. Ждали погоды. Уже часа два назад прошла предпрыжковая проверка, мы построились вдоль взлетной полосы. Самолеты забили винтами, и тут пошел дождь...

Моторы реванули как-то вдруг. Мы вскинулись и поняли, что прыжки отменять не станут. «Все нормально, ребята. Там, куда будем прыгать, дождя нет. А в воздухе обсохнете, — весело сказал наш командир. — Пошли!» И мы пошли.

Крупные капли барабанили по спине и, чтобы не намочить купола, мы накинули на них сверху парашютные сумки. Со стороны, очевидно, вид был довольно комичный — гуськом по бетону шли мокрые парни с бесформенными мешками за плечами, в которых, судя по их виду, ничего благороднее картошки быть не могло.

Восемьдесят килограммов собственного веса определили меня в колонне третьим. Впереди шли сержанты Новожилов и Важинский — земляки, ленинградцы, и это как-то подбадривало. В таком поряд-

ке мы и загрузились в самолет.

— Первым выходит левый поток, — выпускающий посмотрел на нас. — По моему сигналу. И чтоб без задержки, как горох. Работаем в три этапа, по двадцать человек в каждом.

Иллюминаторы запотели, и земли не было видно. Собственно, ее не было бы видно в любом случае — землю укрывала ровная перина облачности, выше которой — сильная и уверенная в себе — шла наша машина. Неизвестно от чего возникло вдруг какое-то чувство родства с этим холодным металлическим телом, что бесстрастно несло нас сейчас над землей.

Сирена. «Приготовиться!» — скомандовал выпускающий. Ну, началось...

Так, все нормально. Ноги чуть согнуты в коленях. Правая рука зажала дужку вытяжного кольца, левая легла на запястье. Створки люка в хвосте самолета дрогнули и пошли в стороны. Где-то далеко внизу — серая и маленькая в проемах среди белесой пелены шла земля.

Наверное, я прыгнул с закрытыми глазами. Во всяком случае, вновь обрел себя лишь тогда, когда позади было все самое неприятное — шаг за борт, какая-то болтанка и полубессознательный рывок за кольцо. Как учили, я сразу поднял глаза к куполу и похолодел: стропы моего парашюта перекрутились тугим жгутом...

Финка-стропорез еще перед посадкой в самолет надежно упрятала свое лезвие в маленький карманчик на запасном парашюте. Я лихорадочно потянул ее из ножен, путаясь в шнуре, который шел от руко-

яти к ремню на комбинезоне. «Ну вот, приехали... Черти бы все взяли!» — забились в голове бессвязные мысли. Я ловчее перехватил нож, готовясь полоснуть по стропам, и тут меня сильно повело в сторону. Все еще не выпуская из рук стропореза, я увидел, что жгут стал быстро раскручиваться, на какую-то секунду замер, словно напоследок проверяя мою выдержку, и вот уже стропы, точно длинные, ровные лучи солнца, верно пошли к своим углам на куполе. Порядок!

Прыжок — это работа. Всегда, еще на аэродроме, настраивал себя: «давай, парень, ощути-ка сегодня наконец этот полет, посмакуй, оглядись как следует, полюбуйся. Все ведь будет в порядке, давай, а?» Ни черта не выходило. Ни разу. 800 метров — совсем немного. А десант — это не спорт. И дай бог успеть глянуть по сторонам, чтобы кто-то не влетел в твой купол или сам не сел бы на товарища. И приземляться нужно кучно, потому что впереди бой. А там, смотри, вон она, земля... Только несет тебя к ней почему-то спиной, и надо тянуть стропы, и не угодить в кусты. Вот она, совсем близко. Ноги вместе. Хоп! Вставать не хочется...

Я завязал «косичку» строп, закатал в толстый рулон купол и запихал все это добро в сумку. Потом затянул на ней веревку и с этой увесистой торбой пошел к пункту сбора. Все небо было в цветных одуванчиках парашютов, гудели моторы самолетов, выбрасывая новые и новые партии десанта. Шла обычная армейская работа.

Рисунки А. Ежелина

КОНЬ РАЗУМ

Ю. ТУМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок А. Ивашенцовой

Военных лошадей испокон века именовали так, чтобы по имени сразу определять возраст.

В тысяча девятьсот тридцать пятом все лошади были названы на букву «Р». Каких только имен не давали! Иногда они соответствовали если не характеру коня, то хотя бы его масти — Рыжий, Розовый, Рубин, но иногда кто-то второпях давал клички, долго не задумываясь, и пошли по свету кобыла Рында, жеребец Рожа или мерин Рукосуй. Одно объединяло их всех — в тысяча девятьсот сорок втором году каждому исполнилось шесть лет.

После того как Матроса, раненного в грудь осколком снаряда, увели в ветеринарную лечебницу, а оттуда еще дальше, Железкин долго не мог подобрать себе коня. Любой теперь казался либо бестолковым, либо неповоротливым. А уж клички-то, клички! Сел на Бурю — если верить имени, конь — ураган, а на деле оказался медлительнее черепахи. Отдал Бурю возить пушку, там она пришлась в самый раз: одна могла выволочь из болота орудие. Тигр оказался слаб. Ягуар некрасив и засекался. Ни один конь сравниться не мог с Матросом.

Железкин уже командовал батареей, любую мог взять себе лошадь из десятков, что были у него под рукой. И ни одна не задержалась у него. Все лето ездил на разных — то на вороной, то на гнедой, то на белой. Белая вообще служила ему всего неделю. И хороша была вроде, а уж очень приметна. Ни в поле, ни в лесу, ни от самолета не укроешься. Пришлось до зимнего снега отдать в обоз.

Конь по кличке Разум сначала никакой радости Железкину не доставил. И масть ничего, приятная на глаз, светло-коричневая, и грудь широка, вынослив. Рост не очень высокий, но и не маленький. Но, в общем, так себе конь, ничем не примечательный. Удивительно даже, что бывалые конники находили у него достоинства, о которых артиллеристы и не подозревали. А некоторые определяли сразу, на глаз. Так почти все в один голос заявляли, что этот конь должен хорошо бегать рысью, отличная у него рысь, утверждали они, даже видя его привязанным у коновязи.

— Как догадались? — приставал к ним Железкин.

Кавалеристы пожимали плечами: это же ясно, это ж как дважды два...

Сам-то Железкин уже давно знал, что Разум рысью обгоняет лошадей, даже мчащихся галопом во весь карьер. Удивлялся тому, что тот в галоп поднимается неохотно, тут же переходя на рысь. Ну и ездил на нем именно так, лишь

бы быстро. Так нежданно и негаданно оказалось, что Железкин снова ездит на одном из лучших в полку коней.

Но главное качество Разума обнаружилось не сразу и было для всех неожиданным. Первым на это обратил внимание ординарец Железкина.

— Вы заметили, товарищ комбат, что Разум нас всех понимает? — спросил он однажды.

Железкин хоть удивился, да не очень. Он уже замечал, что конь почти не требует управления, когда идет по знакомой дороге. Не нужно подсказывать ему повороты, не приходится прищипывать на простреливаемых участках. Он сам, без понукания, бешеным аллюром проскакивал участок между высотами двести сорок восемь ноль и двести сорок восемь шесть. Железкин как-то не придавал этому особенного значения, привык, что там, под огнем немецких пулеметов, надо нестись сломя голову, чтобы, не попав под пулю, добраться до укрытия. Тут, пожалуй, не разберешь — ты ли гонишь коня во весь мах или конь сам, чувствуя опасность, скачет, не жалея сил.

Теперь, после слов ординарца, разом вспомнил он многое, что раньше мимоходом не замечал. Но может ли конь понимать человеческую речь?

— А вы испытайте, товарищ комбат, — настаивал ординарец. — Мы сейчас в штаб гоним? Вот и попробуйте сказать, чтобы Разум двинул в другую сторону.

— Ладно, Юмагулов, — решил Железкин. — Испытаем. Но чтоб сам ни словом, ни конем своим не подсказывал Разуму.

Ординарец ухмыльнулся и козырнул.

Прямо по ходу дороги, которой они ехали до сих пор, можно было попасть в штаб, или же, тоже неподалеку, в первый взвод батареи. Железкин остановил коня. Впереди, как вкопанный, встал Юмагулов.

— Едем во второй взвод, Разум, — негромко сказал всадник и повторил чуть громче, слегка тронув коня шпорами и посылая его с места вперед. — Во второй взвод!

Разум шагнул вперед раз, шагнул другой по направлению к штабу. Железкин опустил повод и ничем, ни одним движением не показал, куда надо двигаться. А Юмагулов пустил своего коня шагом так, как ехал до этого по той же дороге. Но Разум не пошел за ним, нет... Он круто повернул в обратную сторону и побежал назад, туда, где располагался второй взвод. Юмагулов, оказавшийся теперь сзади, молча рысил за ним, а когда комбат оглянулся, показал большой палец — вот, мол, какой конь, во!

По этой дороге, правда, можно было попасть

не только во второй взвод противотанковой батареи, были повороты на наблюдательный пункт и в штаб стрелкового батальона и еще в другие места. Но Разум уверенно гнал во второй взвод, не сбиваясь с пути.

Под вечер Железкин, собрав всех офицеров батареи, проехал с ними верхами, демонстрируя сметливость и ум коня. Любому из них давал сесть в седло Разума, но почти все испытания только утверждали неожиданно выявленные достоинства коня. Только командир первого огневого взвода лейтенант Поляков, ни в какие приметы не верящий, так и не согласился с тем, что утверждали все — что Разум соответствует своему имени.

— Правильно его назвали, — подвел итог заместитель комбата лейтенант Карасев. — А то могли назвать как моего коня Рулетом, или Разиней, есть такой у минометчиков.

— Все равно это цирк, — упирался Поляков. — Натаскали коня на один день, а завтра что?

— Если бы цирк, тебе бы показали, что конь газеты читает, — обозлился Карасев. — А ты,

Вовка, лучше свою бы кобылу выучил хотя обычные строевые команды понимать...

Однажды осенней ночью Разум прискакал на командный пункт батареи без седока.

Железкин посылал на нем Юмагулова с пакетом в штаб батальона. Тут же ускакали на поиски товарища ординарцы командира батареи и его заместителя. Домчав до штаба батальона, узнали: пакет Юмагулов доставил. Значит, что-то случилось с ним на обратном пути.

Комбат приказал немедленно снова оседлать Разума, сам вскочил на него и, бросив поводья, дал волю коню идти куда он захочет. Тот с места взял рысью. Отстав метров на сорок-пятьдесят, чтобы не мешать, держа карабины на изготовку — мало ли что тут может случиться — мчалось за ними отделение конной разведки.

Разум сперва бежал по направлению к батальону, потом, не снижая аллюра, свернул в сторону. Железкин и не заметил бы сделанного конем поворота — тропа и до этого не раз виляла ту-

да-сюда, но сзади раздался резкий свист, это ординарцы, уже освоившие дорогу, не раз по ней проезжавшие, предупреждали о неожиданности.

Комбат придержал коня. Подскакавшие разведчики подтвердили — Разум уходит в сторону от дороги.

— Доверимся Разуму, — решил Железкин и опять бросил повод.

Теперь двигались медленнее. Время от времени Разум коротко ржал и, наострив уши, чутко вслушивался в звуки, доносящиеся из тьмы. И разведчики и Железкин тоже напрягали слух, но до них доносились только отдаленные пулеметные очереди да разрывы мин и снарядов далеко отсюда. Рядом пролетали только шальные пули, а иногда даже с резкими щелчками, словно где-то над головой один за другим лопались воздушные шары, проносилась целая пулеметная очередь.

Лошади, наверно, слышали больше, не только это. Уши у них вздрагивали и наклонялись то в одну сторону, то в другую.

Вдруг Разум встал. Железкин тронул его шенкелями. Конь не сдвинулся с места. Пришпорил. Он заржал, но опять вперед идти не захотел, даже попятился.

— Конные, слезай! — бросил назад, в темноту комбат. — Прочесать все вокруг.

Разведчики, попеременно окликавая Юмагулова и друг друга, разошлись в темноте, шаря перед собою по земле. Передав Разума коноводу разведчиков, двинулся и Железкин, но не сделал и десяти шагов, как услышал стон. И сразу же раздался топот многих ног — разведчики бросились на звук.

Юмагулов был жив, но без сознания и весь в крови. Четверо, подхватив его на седло, помчались с ним в санроту, на ходу, на скаку подменяя уставших товарищей, чтобы не задержаться ни на минуту.

На операционном столе врач, осмотрев раненого, покачал головой.

— Еще час — и ему уже никто бы не помог, — сказал он, берясь за свой скальпель и кивая се-стре.

На рассвете разведчики прошли по следам, оставленным Юмагуловым, по пятнам и лужицам крови. Видимо, сбитый с коня шальной пулеметной очередью, тот уполз в сторону метров за шестьсот от наезженной дороги и там свалился в глубокую снарядную воронку, откуда уже не смог выбраться.

Рядом с его следами всюду были следы Разума. До самой воронки шел конь за раненым.

Юмагулов, придя в сознание только в медсанбате, не мог рассказать ничего о том, как его ранило и куда он полз. Ему запомнились только сверкнувшие вдали трассирующие пули. Они приближались и росли... Потом удар и тьма, больше он ничего не помнил.

Ничего не мог рассказать Юмагулов. А вот Разум, если бы умел говорить, наверняка рассказал бы побольше. Но это было единственное, что он не мог сделать для Юмагулова в эту ночь.

ЮБИЛЕЙ СИМЕА

СИМЕА — это международный комитет детских и юношеских организаций при Всемирной федерации демократической молодежи. Он был создан четверть века тому назад, в 1958 году, и объединяет ребят из многих стран мира.

За что борется СИМЕА? За мир, дружбу, взаимопонимание. За равные права всех детей с разным цветом кожи.

Против чего выступает СИМЕА? Против колониализма, расизма, милитаризма, фашизма.

Почему это важно? Потому что многие дети на Земле лишены детства. Около двухсот миллионов ежедневно недоедают, более пятидесяти миллионов не могут учиться в школе.

СИМЕА заявляет: дети должны жить в мире, дети должны учиться!

СИМЕА заявляет: дети не должны чувствовать себя одинокими, дети должны иметь друзей! Для того, чтобы дети разных стран подружались друг с другом, СИМЕА организует фестивали дружбы и солидарности, конкурсы и соревнования, проводит Международную кампанию «Дети хотят мира».

Недавно в Болгарии состоялась Международная ассамблея «Знамя мира». Дети с пяти континентов пели песни, читали стихи, рассказывали о себе и своих сверстниках. И тогда японский мальчик Ютака сказал: «Теперь я понял: мир — это когда люди понимают друг друга».

Каждый год в столицу советской пионерии — Артек приезжают ребята из многих стран. Они ходят в походы, купаются в Черном море, участвуют в спортивных соревнованиях. И еще по старой доброй традиции они пишут на тетрадных листах о том, что хотят мира, и рисуют эмблему СИМЕА. Потом закупоривают листы в бутылки, а белый теплоход отвозит эту «почту» в нейтральные воды.

И каждый, кто вылавливает в море или находит на берегу бутылку с листом и видит на нем эмблему СИМЕА, знает: к нему пришло письмо мира.

Эмблема СИМЕА — веселый Викки:

— он любит всех детей в мире. Он — настоящий, хороший и преданный друг,

— он помогает укреплению дружбы между народами и защищает честь эмблемы СИМЕА,

— Викки помогает там, где может,

— он — храбрый и дисциплинированный, презирает бездельников и трусов.

СКАЖЕМ ВОЙНЕ — НЕТ!

НА БЕРЕГУ НЕВЫ

Вывел оздоровительную группу на берег Невы. Щедрое солнце... Ветер гладит кожу... Мир и покой...

Ребята искупались и разбрелись по берегу. Девочки, сбившись кучкой, что-то рассказывали друг дружке. Мальчишки самозабвенно копались в песке.

— Сергей Иванович! — позвал Андрюша. — Посмотрите, что мы нашли!..

У мальчика на ладони лежал крупный осколок. Полоска чистого металла, и четкая цифра на ней — 1942 — и еще непонятные буквы. Я перевернул осколок и увидел запекающуюся черноту военного огня.

— Это мина! — сказал я ребятам. — Может быть, в кого-то из наших солдат она попала...

— Здесь мой дедушка воевал... — тихо сказал Андрюша.

И солнце словно померкло на секунду. Слово нахмурилось.

Ребята показали мне еще несколько осколков — помельче. И я разрешил взять их с собой, в палату, хотя это было нарушением и санитарных и дисциплинарных правил.

СЕРЕЖИН РАССКАЗ

Двенадцатилетний Сережа рассказывает: «Хорошо было в почетном карауле стоять! Я был радостным и гордым! Солдат за спиной большой-большой! Кажется, он до самого неба достает! А я у его ног, и красный галстук на груди.

Все вокруг такие праздничные, красивые. А один старик — совсем некрасивый. Толстый. Пиджак на животе не сходится. Нос, как слива. Идет старик еле-еле. Прихрамывает. У него один орден — Красной Звезды — и две медали... На-

Сергей ИВАНОВ детский врач. И еще он пишет для детей рассказы, очерки, повести. Его книга «Я лечу детей» получила поощрительный диплом Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского.

клонился он и ладонью землю подцепил. С самого края братской могилы. И запыхался оттого, что наклонился, отдышаться не может. А потом... поцеловал эту землю. Вернее, это я потом понял, что поцеловал. Он ладонь к губам приложил и стоял так долго. И глаза у него были — будто он ничего не видел. Руку отнял, и губы у него черные...

Я его почему-то лучше всех запомнил».

МОЙ ПРИЯТЕЛЬ ПЕДРО

Иногда по вечерам сами собой возникают разговоры о том, что делается в мире.

— Вот мы от души говорим, — сказал Коля (ему тринадцать лет), — и поэтому все кажется важным и интересным!

— А как же иначе? — удивился я.

— А вот так же! — запальчиво сказал Коля. — С нами вожатый сбор проводил — тоска! Читал газету, читал — полчаса наверно! Тоже про войну, про бомбы эти нейтронные, про террористов там всяких!.. Читает, а самому скучно. Мямлит, мямлит, словно каша во рту!.. Кончил и сразу спрашивает: вопросы есть? Смотрит на нас и щеку правую кривит, как от зубной боли. А Петька ему с задней парты басом: «Это от нас далеко!.. А нам кушать пора!..» Петька этот, между прочим, гад! Деньги у малышни отбирал перед столовой. А мы, когда узнали, врезали ему как следует!.. Я думал, вожатый возмутится, а он улыбнулся и говорит: «Ну, раз вам кушать пора — будем считать сбор закрытым!..» И все понесли по домам. А я подумал: какой же он вожатый после этого!.. С тех пор совсем на сборы не хожу. Удираю...

— Ну и зря! — сказал я. — Вот у меня приятель был в институте! Он бы не так себя вел, как ты! Он бы сам собрание устроил, если вожатый не может!

— Расскажите! — попросил Коля.

— Его звали Педро. Он приехал к нам из Латинской Америки учиться на врача. И сразу с нами поругался...

— Как это? Почему?

— Спокойные вы какие-то, ребята! — сказал он нам. — Не такими я вас представлял! Думал, вы боевые, дерзкие!..

— А вы чего?

— Мы его в стройотряд с собой взяли. С агитбригадой нашей стал ездить. На гитаре играл и песни пел.

— И не ругал вас больше?

— Нет, не ругал. Сколько мы с ним разговаривали! Сколько по Ленинграду бродили! Он

город лучше нас изучил. Не мы ему, а он нам город показывал. И стихи нам читал. Александра Блока. «И вечный бой, покой нам только снится...» Преподаватели наши его, между прочим, побаивались...

— Почему?

— Он их вопросами изводил! Сперва в книгах прочитает все, что может найти, а потом к преподавателям пристаёт. Почему так, почему этак?.. В чем причина того, в чем причина этого?.. И кино, между прочим, он любил по-сумасшедшему! «Республику Шкид», помню, пять раз посмотрел! Обещал у себя в стране такую школу устроить. Рассказывал нам про детей беспризорных... Он и на врача-то пошел учиться, чтобы беспризорным помогать...

— Ну и как, помог?.. Устроил школу?..

— Нет...

— Почему?

— Струсил, да?

— Буржуем стал?

— Нет, не угадали! Кончил он пять курсов с нами и не вернулся после каникул! Погиб он, ребята! Увидел, как полицейский избивает мальчишку, и стал его защищать.

— Его убили, да?

— Да, его убили! Нам другие студенты из его страны рассказали! Он здорово дрался, с ним долго не могли справиться...

— Молодец он был! — сказал Коля. — Вы его не забывайте!

— И ты тоже не забывай, пожалуйста! — попросил я.

ПОДПИСИ

— А вы помните, как мы к вам приходили? — спрашивает Витя.

— Помню! Я дверь открыл, а вы так удивились!

— Не знали, что вы тут живете, Сергей Иванович!

— Ты еще тогда простужен был...

— Точно.

— Как ты тогда сказал, Витя?.. «Мы подписи за мир собираем!» Так важно сказал!

— А вы сразу подписались и по конфетине нам дали!

— Ну расскажи немножко, как вы дальше подписи собирали, после меня?

— Мы эти подписи в защиту мира долго собирали, Сергей Иванович! Мы весь поселок обошли. Интересно было. То знакомые, то незнакомые нам двери открывали... Люди всякие. Одни торопятся. Глянут, подпишут и — до свидания. Другие на чай приглашают, рассказать просят — вот как сейчас вы. Старушки говорят: «Благослови вас бог!..» А дедушка один, — он инвалид, с палкой ходит, — вздохнул так и говорит: «Эх, мне бы с вами! Спасибо вам, ребята! От всех моих дружков спасибо, которые далеко!» Мы ему говорим, что у тех, кто далеко, другие пионеры подписи соберут. Он вздохнул.

Многие тоже нам конфеты давали. Даже неудобно было. Будто мы ради конфет ходим... А потом пришли мы к одной квартире и увидели, что в ней наш директор живет. Только мы хотели позвонить, как вдруг собака за дверью залаяла. Так звонко-звонко! И мы убежали...

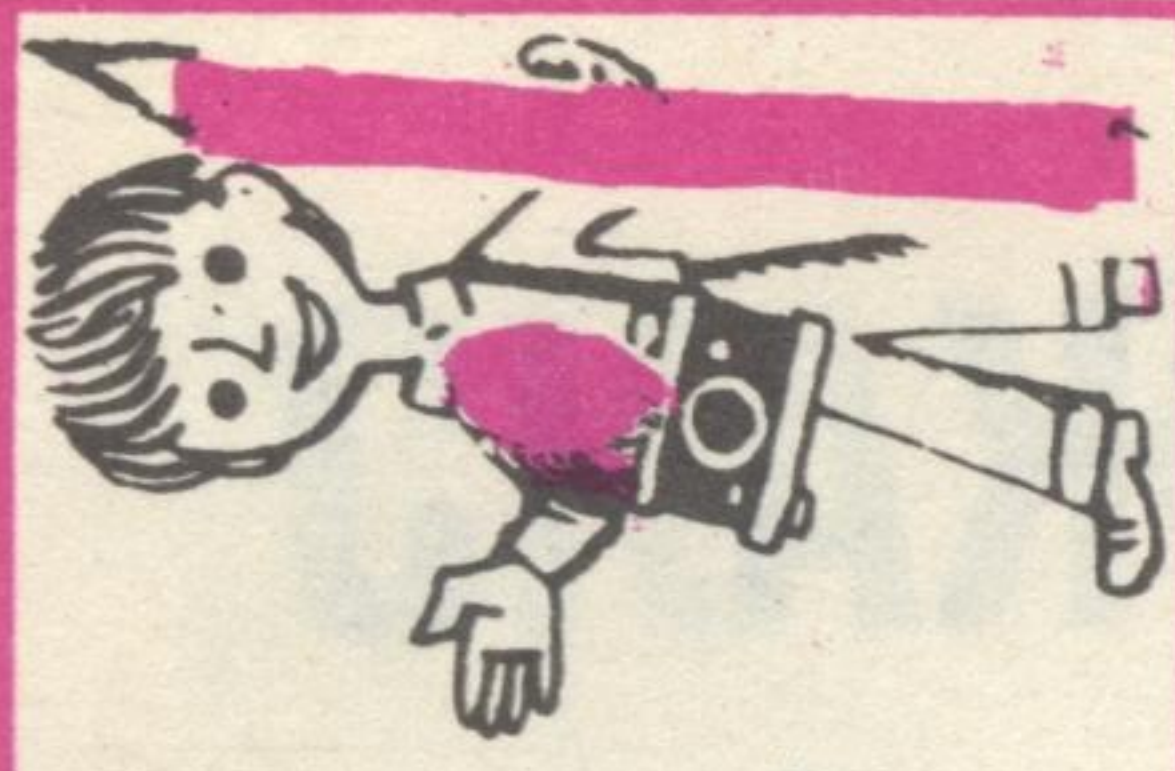
Я рассмеялся.

— Вот и Марья Петровна, классная наша, тоже смеялась, когда мы про директора сказали... А ведь хорошо, когда все люди за мир подписи ставят! Правда, Сергей Иванович?

— Правда, Витя! — сказал я. — Это большее дело, и люди вам за него благодарны!

Рисунки М. Милеевой

БАРАБАН 2

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Мы дружной ленинской силой!

**ВСЕМ!
ВСЕМ!
ВСЕМ!**

Для выполнения особо важных и срочных заданий редакция журнала «Костер» организует следопытский батальон РВС — разведчиков воинской славы.

Главная задача батальона РВС — помощь пионерским отрядам в проведении поисковой операции «Пионерская слава» и Всесоюзной экспедиции «Летопись Великой Отечественной войны».

В батальон РВС принимаются пионерские отряды, а также все желающие заниматься поисковой работой.

Основание для приема — письмо совета отряда или личное заявление вступающего и ответ на задание № 1.

ЗАДАНИЕ № 1

- 1) Живут ли неподалеку от тебя участники Великой Отечественной войны? Напиши их фамилии, имена, отчества. Кем и где они начали войну, кем и где закончили?
- 2) Есть ли в вашей школе музей боевой славы? Какие экспонаты в нем, по-твоему, самые значительные? Расскажи о них.
- 3) Если в твоём крае, области, городе, поселке, деревне во время Великой Отечественной войны проходили бои, что ты знаешь о них и о героях этих боев?

Пятилетка в красной палатке

Отряд берёт высоту

У многих наших ребят родители работают на животноводческом комплексе совхоза «Киришский». У Вити Михайлова мама скотница, у Нади и Веры Пенкиных — телятница, а моя — доярка. Чуть ли не каждый день мы забегаем на ферму помочь нашим мамам. Мы разносим корм, убираем коровник, посыпаем пол свежими опилками. Мы с ребятами давно знаем, как подключается доильный аппарат.

Коля Герасимов,
4 класс, Кириши

Был солнечный день, и от этого, наверное, нам работало особенно радостно. Мы, четвероклассники, вместе с нашими подшефными первоклассниками сажали около школы клены. Буквально через час появилась аллея из тоненьких саженцев клена. Каждый из нас посадил по одному деревцу.

Наша школа молодая: ей всего четыре года. И мы были первыми учениками. Через шесть лет, когда мы кончим школу, придет новая смена, и их встретит высокая аллея кленов.

Оля Рукавишников
4-а класс, школа № 52,
Ленинград

В прошлой четверти к нам в класс пришел новенький. Он был очень стеснительным, все время молчал, не участвовал в наших играх. Мы, например, гоняем на перемене мяч, а он стоит у стенки. Потом мы заметили, что он не готовит уроков. А потом узнали, что он круглый сирота, и стали ему помогать в учебе, вовлекать в интересные дела.

Посмотрели бы вы на него сегодня: не узнать!

Валерий Шулер,
5 класс,
село Кетросы
Дрокиевского района,
Молдавская ССР

Нам многие завидуют — почему у нас хорошая успеваемость? Почему мы всегда занимаем первое место в смотре строя и песни? Почему за макетуру у нас всегда призовые места? Наверное, потому, что наш отряд дружный. Только дружными мы стали не сразу. И у нас были такие, кто тянул отряд назад, кто нарушал дисциплину и не учил уроков. Но вот однажды совет отряда постарался понять, чем интересуется, увлекается. Всем дали задания по душе. И не забывали похвалить за успехи. Даже свободное вре-

мя мы привыкли теперь проводить вместе.

В нашем отряде 29 человек. Половина из них — отличники и ударники. Самые активные — Лена Зверева, Ира Васина, Лия Насыбуллина, Фанис Гарифуллин. А неактивных у нас нет.

Нина Коновалова,
Тетюши

КОННИЦА. Нина Попандуло, Батуми

Я не раз задумывалась: как мы, пионеры, можем помочь в выполнении Продовольственной программы? Сельские пионеры участвуют в операциях «Зернышко», «Колосок», а мы, городские ребята, что можем? Дежурим в школьных столовых и стараемся вразумить тех, кто не бережет хлеб. А младшим, октябрятам, мы начали объяснять, почему нельзя бросать недоеденные яблоки, оставлять на тарелках хлеб, котлеты и кашу! Ведь все это добыто нелегким трудом.

Вероника Марченко,
Москва

Юные командиры

Вот уже три года в Доме пионеров работает кружок «Юные командиры». Его ведет преподаватель Е. А. Усольцев. Мы научились пользоваться противогазами, обращаться с оружием, ориентироваться на местности. Многие ребята мечтают стать офицерами Советской Армии. А пока тем, чему научились, мы делимся с одноклассниками. Поэтому игра «Зарница» в нашем районном поселке всегда проходит по-настоящему интересно. Высылаю в «Барабан» фотографию членов нашего кружка.

Саша Бойко,
Шипуново,
Алтайский край

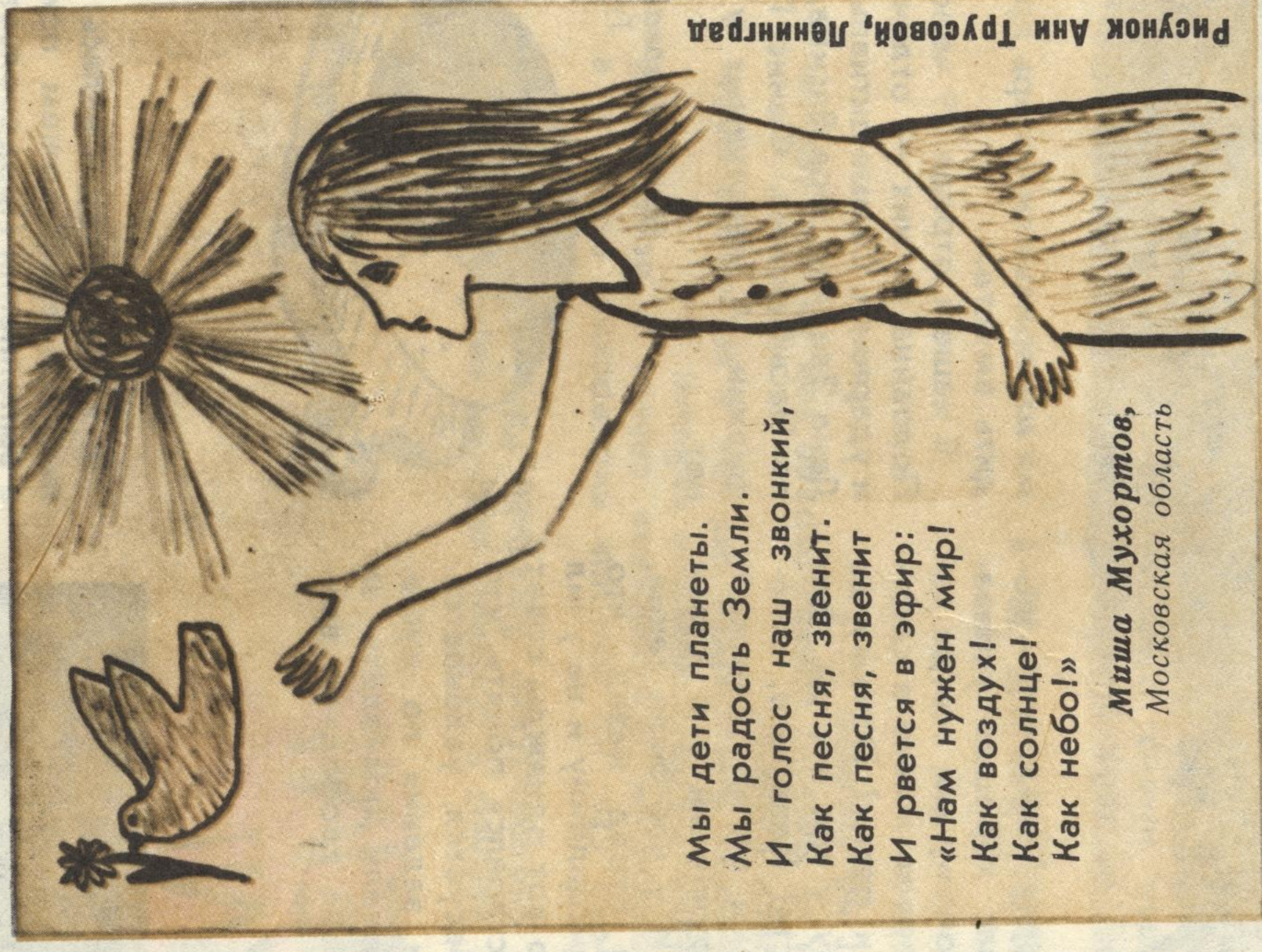
НАШ КИДА

Угадайте, сколько писем мы получаем в день? 30. А бывает и больше! Пишут пионеры из других городов и союзных республик. Со словачкими ребятами переписываемся из города Прьевидза, с ребятами ГДР из Дрездена. Недавно гости из Колумбии приехали. Каждую пятницу в КИДе какая-нибудь интересная встреча. Вместе со всеми честными людьми планеты мы боремся за прочный мир. Передали в Фонд мира 550 рублей, которые выручили на школьном базаре.

У нас очень отзывчивые ребята. Они моментально откликнутся на все, что происходит в мире. Когда прочли в газетах об опасности, которая угрожала парагвайскому патриоту Антонио Майдане, мы не могли сидеть сложа руки. На остановках троллейбусных, в метро стояли, по квартирам ходили. За один день 18 тысяч подписей собрали в его защиту.

Аня Храпова,
президент КИДа,
школа № 372,
Ленинград

Одно из заседаний КИДа нашей школы было посвящено 25-летию СИМЕА. Мы готовили доклады об истории этой организации, ее делах и задачах. А затем я и мой друг Вова Перов прочитали стихотворение «Нам нужен мир!», которое мы вместе сочинили. Это стихотворение потом было напечатано в школьной стенгазете, и понравилось всей школе:

Мы дети планеты.
Мы радость Земли.
И голос наш звонкий,
Как песня, звенит.
Как песня, звенит
И рвется в эфир:
«Нам нужен мир!
Как воздух!
Как солнце!
Как небо!»

Миша Мухортов,
Московская область

Рисунки Ани Трусовой, Ленинград

(Более подробно о СИМЕА рассказано на странице 5 журнала.)

Хочу посоветоваться ОТКУДА БЕРУТСЯ КЛИЦКИ?

Пишут вам девочки шестого класса средней школы села Кременевка. У нас в классе мальчишки никогда не называют девочек по именам. Они почему-то считают, что девочки хуже мальчиков. И придумывают нам обидные клички. Девочки обижаются.

**Гульжан Орымбаева
и Лена Илиади,**
Джамбульская область

Хочу посоветоваться со всеми ребятами. Я учусь в своей школе уже пять лет, и все эти годы ребята то и дело называют меня крысой, а ведь я им ничего плохого не сделала. Мне очень обидно, ведь я не виновата, что у меня такая фамилия. Как мне вести себя? Что мне делать? Терпеть эту несправедливость?

Эла К.,
Ленинград

Я не знаю, как мне быть. Представьте, иду я из школы, а у мостика меня ожидают мальчишки. Побьют и очкариком назовут. Я раньше носила очки, а теперь не стала. Еще хуже — девочки стали дразниться. Надоело мне все это. Я сказала маме. Она пришла в школу и стыдила одноклассников. Но я в тот день ушла из школы с порванным фартуком и со сломанной авторучкой. Дома закрылась на ключ и заплакала.

Ангела Долманжи,
село Твардица,
Чадырлунгский р-н,
Молдавская ССР

ОТ РЕДАКЦИИ:
Разговор о кличках еще не окончен. Надеемся, что вы, наши читатели, продолжите его. «Барaban» ждет ваших писем.

СТРОЙКА.
Наташа Биянова,
Ленинград

Всё! Мадя

Учительница:
— Какие уроки тебе больше нравятся?

Ученица:
— На которых ничего не задают.

Нина Галкина,
Москва

Учитель:
— Где зимуют насекомые?
Ученик:
— Улетают на юг!

Вероника Молокова,
Байкальск

**НАСТОЯЩИЙ РЕКОРД
ФЕЛЬЕТОН**

Урок физкультуры подошел к концу. Мы стояли, выстроившись в шеренгу, и болтали, делая вид, что не замечаем учителя. Учитель, подождав, пока мы наконец успокоимся, начал говорить:

— Сегодня в 15.00 состоится соревнование по бегу с соседней школой. От каждого класса нужно 5 человек: 3 мальчика и 2 девочки. Кто из вас может прийти?

В зале воцарилась мертвая тишина. Учитель спросил у Смирновой Светы:

— Сможешь ты сегодня прийти?

— Нет! — категорически заявила она. — У меня сегодня в полтретьего музыка.

— Никонов, а ты сможешь прийти?

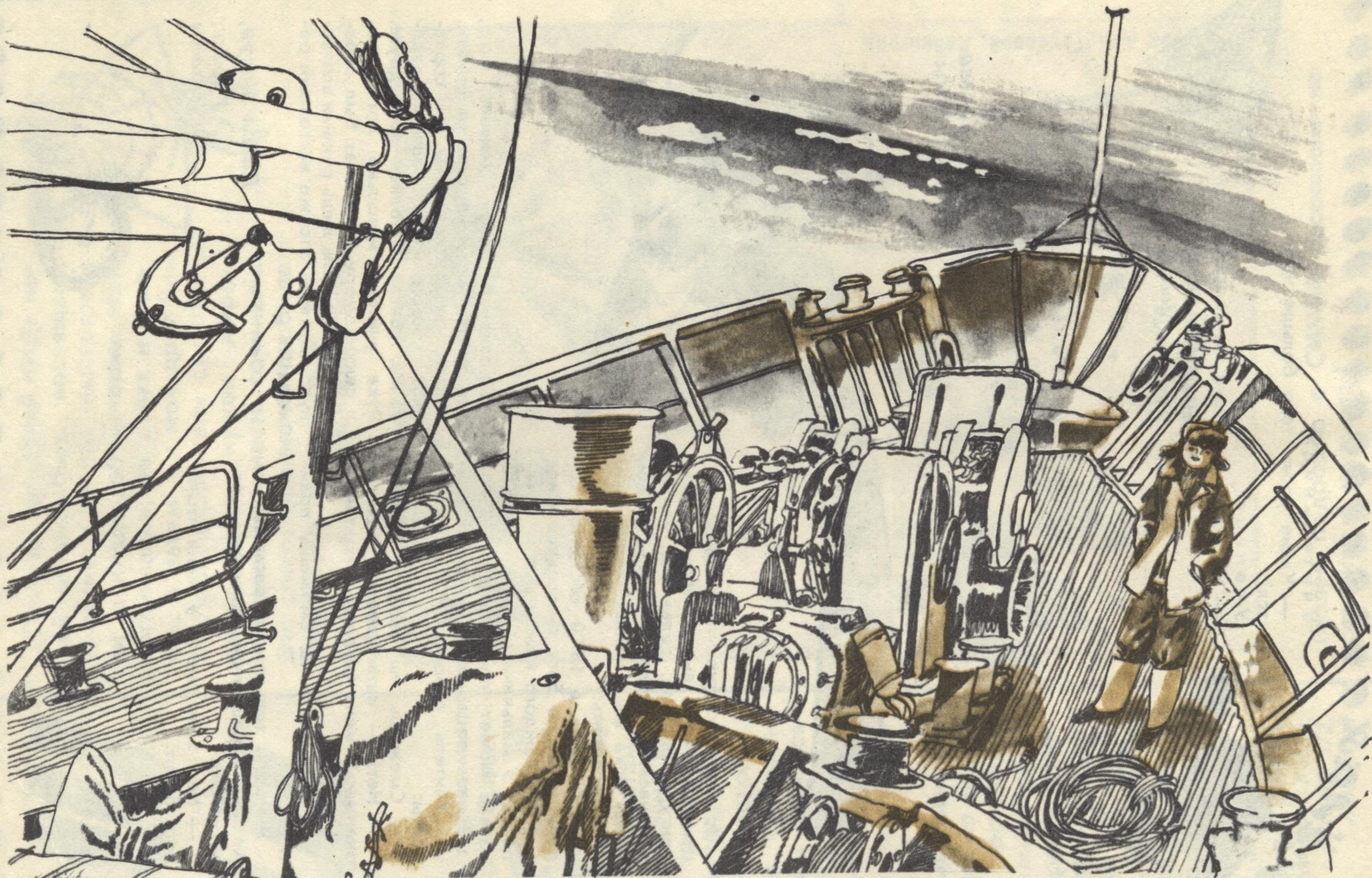
Никонов, только что бегавший за Алкой Кудряшкиной, запинаясь, ответил:

— Нет, я не смогу. У меня что-то нога болит.

Прозвенел звонок. Учитель, видя, что никто так и не сможет прийти, сказал, что все свободны. Мы сорвались с места и бросились к раздевалке, сбивая и толкая друг друга. Рука учителя невольно потянулась к секундомеру. Результат был поразителен. Учитель лишь руками всплеснул: «Да ведь это же настоящий рекорд!!!»

Павел Мосур,
7 класс,
Черкассы

ВО ЛЬДАХ БЕЛОГО МОРЯ

Виктор БОРОЗДИН

РАССКАЗ

Рисунки Б. Аникина

Я НА ЛЕДОКОЛЕ!

Димка вскочил, спросонек еще не понимая, где он и что происходит. Каюту швыряло, двигало, все содрогалось и гремело — дверь, плафон на потолке, графин, стаканы в деревянных гнездах; массивная пепельница, подскакивая, голкалась в бортики стола.

«Я на ледоколе!» — обрадовался, вспомнив, Димка.

Дяди Васи не было, наверно, заступил на вахту.

Димка стал торопливо одеваться. Это было трудно, нога никак не хотела попадать в нужную штанину, трудно было удержать равновесие, то и дело приходилось за что-нибудь хвататься.

В коридоре грохот был еще сильнее, казалось, в нижних помещениях клокочет вода. Что-то с силой терлось, скрежетало...

«Ледокол ломает лед, — догадался Димка, — мы уже в Белом море».

Тра-та-та... — забило дробью, затрясло.

Вчера весь день шли по Баренцевому морю, чистому и голубому. Только к вечеру появились

первые льдинки, плоские, округлые «блинчики». А потом поплыли навстречу белые и пышные, будто взбитые из морской пены. Но их было не так много. А сейчас...

Димка кинулся на палубу. Перед ним открылось сплошное ледяное поле, пустынное до самого горизонта. Их ледокол — единственное «живое» существо в этом застывшем крае — брюхом напозал на лед, с грохотом ломал его. «Чудеса, — подумал Димка, — на Баренцевом — лето, а здесь, рядышком, на Белом — зима».

Перегнувшись через борт, он смотрел, как огромные льдины выныривали из пенящейся воды — мокрые, сверкающие, голубые, прозрачные. Вздыхались, падали, снова вставали. «Во толщина, почти метр! А ледоколу нипочем».

Димка давно мечтал о той минуте, когда увидит все это. Он живет в Мурманске, это Заполярье, а лед видел только под ногами, на лужах, на улице. Мурманский порт даже в лютые морозы не замерзает.

Льдины все выныривали, бились о ледокол, громоздились друг на друга, с них стекала вода, от лучей низкого солнца по ней бежали малиновые огоньки.

Димка взбежал по трапу на носовую палубу. Отсюда было видно, как бегут от ледокола вперед и в стороны темные трещины. Катится вместе с ними треск, словно рвет кто-то на куски гигантское полотнище.

УРОК ВЕЖЛИВОСТИ

Ветер пронизывал насквозь. Пришлось застегнуться на все пуговицы, поднять воротник.

— Дима, завтракать! — донеслось с нижней палубы. — Да не стой на ветру, простудишься.

Это буфетчица, тетя Поля. «Как мама: «не стой на ветру, надень шарфик». Все женщины, наверно, одинаковы. Я воротник поднял, чего еще?!»

Он спустился в каюту, скинул куртку, причесал пятерней волосы перед зеркалом. Дядя Вася еще вчера, когда в первый раз они шли обедать, предупредил:

— Не знаю, какой ты на берегу, а здесь уж постарайся, не подведи меня, чтобы все было в лучшей форме. Питаться будешь в кают-компании, вместе с командным составом.

— И капитан будет?

— И капитан будет.

Когда они вошли в кают-компанию, там уже сидело несколько человек. Во главе длинного стола — капитан. Он показался Димке очень серьезным, на лбу морщины, брови сдвинуты, совсем как у их директора школы Александра Александровича. Димке подумалось: сейчас капитан посмотрит на него строго и тоже скажет: — Опять карту Африки не выучил? — А что Димке Африка?! Спросил бы про Ледовитый океан, море Лаптевых, Чукотское море, острова Северная Земля — другое дело!..

— Разрешите сесть? — обратился к капитану дядя Вася.

Капитан кивнул, морщины куда-то ушли, лицо его стало спокойно-приветливым.

Димка тоже хотел сказать: — Разрешите сесть? — но горло сдавило, и у него получилось:

— Разрешите... есть...

Покраснел, смешался. Хорошо, сказал тихо, никто не понял. Правда, капитан что-то уж очень внимательно стал смотреть в свою тарелку, и уголки рта у него чуть дрогнули.

Так было вчера. А сегодня надо было идти одному. Он осмотрел себя: свитерок, брюки... Порядок. По дороге мысленно прорепетировал, как войдет. Перед дверью набрал полную грудь воздуха и шагнул. Глядя на то место, где должен сидеть капитан (его сейчас не было), громко сказал:

— Разрешите... — и запнулся. Опять не получилось.

— Садись, садись, — раздалось сразу несколько голосов.

Димка сел рядом с инженером-электриком Павлом Ивановичем. Рабочее место Павла Ивановича у доски с приборами, которые показывают работу всех механизмов на ледоколе. Павел Иванович объяснил: если случится какая неисправ-

ность в механизмах, стрелки приборов сразу покажут. Иди исправляй. Димка долго ждал, когда стрелки покажут, но на ледоколе так ничего и не случилось, даже обидно было.

— Нравится у нас? — пододвигая к Димке тарелку с хлебом, спросил Павел Иванович.

— Еще как!

— Небось и специальность уже себе приглядел?

— Нет еще... — смутился Димка.

Тетя Поля поставила перед ним тарелку с макаронами «по-флотски», с мясом.

— Ешь.

Приходили новые люди. Механик, который с дядей Васей посменно стоит на вахте, штурман. Все спрашивали разрешения сесть. А, позавтракав, спрашивали разрешения встать. Димка никогда такого не видел — ни дома, ни в школе, ни в пионерском лагере. Ему понравилось. «Явлюсь к бабушке и дедушке в Архангельск, — подумал он, — вот удивятся, когда я скажу: — «Разрешите сесть?» — А потом: — «Разрешите встать?» — Дед только крякнет от удовольствия, а бабушка наверняка прослезится: какой воспитанный у нас внук!»

Поев, Димка сбежал вниз, в машинное отделение. Перегнувшись через ограждение, увидел дядю Васю, крикнул ему:

— Порядок!

И снова наверх.

КАК ВСЕ СЛУЧИЛОСЬ

На палубе было по-прежнему ветрено, но это ничего, даже приятно. Димка стоял, широко расставив ноги, иначе не удержишься. Ледокол торопился. Димка знал, почему. Они шли навстречу паводку. Дядя Вася еще дома говорил:

— На Двине начался ледоход, он движется к Архангельску. Мы пойдем в устье Двины, чтобы упредить беду. Откроем льду выход.

Димка слышал о ледовых заторах на реке. Льдины сгрудятся в одном каком-нибудь месте, плотиной встанут, вода выйдет из берегов, затопит леса. Сколько зверя разного погибнет! А потом как прорвет ледовый барьер и помчит вниз, выворачивая с корнем деревья, снося избы, сараи... Бывает, дома плывут по реке.

«К Архангельску подойдем, наверно, ночью, а может, завтра», — прикинул Димка. В Архангельске его ждут дедушка и бабушка. Интересно, мамино письмо — чтобы ждали — раньше придет или он раньше нагрянет? Вот ахнут!

На ледокол Димка попал неожиданно-негаданно. Два дня назад пришел к ним дядя Вася и сказал, что ремонт на ледоколе водолазы закончили, винт, лопасти которого обломали льды у Новой Земли, теперь в порядке, и завтра они снимаются со швартовых.

Тут мама и скажи:

— Если можно, захвати с собой в Архангельск Диму, что ему тут болтаться все каникулы! Бабушка с дедушкой уж так рады будут, давно звали. Да и Димка по ним соскучился.

— Я — пожалуйста, — теребя усы, сказал дядя Вася, — у меня и койка свободная в каюте есть, плотник заболел, на берегу остается. Спрошу у капитана разрешения.

От радости Димка чуть до потолка не подпрыгнул. И тут же побежал во двор, чтобы похвалиться перед Ритой Юшкиной, или просто Юшкой, что поплывет, нет, пойдет, как говорят моряки, на ледоколе.

Компас, как ни поворачивай, магнитную стрелку все тянет к северу, а Димку почему-то все тянет в Юшкину сторону. Как услышит ее голос: — «А ну, кто в «наших и фашистов» играть?» — так и бежит. Девчонка как девчонка, может, немного поозорнее других, а верховодит всеми и им, Димкой, хотя ему трудно себе в этом признаться. Он побоялся, вдруг она скажет:

— Ни к какой бабушке, Дим, ты не поплывешь, у нас с тобой уговор был все каникулы ходить в кино на мультики, помнишь?

Но ведь тут ледокол!.. К счастью, все обошлось. Выслушав его, Юшка вздернула носик, тряхнула челкой и до обидного равнодушно сказала:

— На ледоколе, конечно, хорошо, только в море его ужас как болтает, он же без кия, — показала она свои познания в судостроении. — А я на каникулы еду в Коношу, к тете.

Он так и не понял, позавидовала ему Юшка или ей все равно, на чем он поплывет.

А в Баренцевом их не болтало. Был штиль. Жаль, что не было настоящего шторма, тогда бы Юшка узнала, что ему — все нипочем.

НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ

Что ни говори, мама здорово придумала: он на ледоколе, ломает лед! Машина работает всю. Ледокол, сотрясаясь, натужно движется вперед. Эх, если б еще покомандовать! — Лево руля! Полный вперед! — Димка взмахнул рукой, отдавая команду, и оглянулся: никто не смотрит? Нет, на палубе никого. Только в окне капитанского мостика увидел капитана. На голове у него чуть сдвинутый на бок берет. Жаль, что не морская фуражка! И смотрит он вдаль, туда, где туман горизонт укрывает.

Вот бы пустил к себе на мостик! — возмечтал Димка. А что?! Капитан добрый, разрешил же взять его в рейс. И Павел Иванович, электрик, говорил о нем:

— Наш капитан Александр Петрович только с виду суровый, а душа у него... — Павел Иванович так широко развел руками, что стало понятно: душа у капитана большая, а значит, и добрая.

Ну, командовать, это уж слишком! Разрешил бы хоть глянуть одним глазком.

Димка сбежал с палубы, миновал переходы. Вот и трап, что ведет к капитанскому мостику. Димка шагнул, но с каждой ступенькой пыл его улетучивался. Вдруг капитан скажет: «Это что еще за явление?! Не место мальчишке на капитанском мостике». И дядя Вася потом распечат: «Куда тебя понесло?..»

Ручка двери неожиданно зашевелилась. Димку словно скипидаром смазали. Он попятился и ринулся вниз. Но зацепился за что-то и не побежал по трапу, а поехал, стуча и громяхая. Наконец сумел задержаться. Вскочил, морщась, потирая ушибленное место. Глянул вверх. Так и есть: в проеме двери стоит капитан. На лбу те же морщины, уголки губ, как и вчера, в столовой, вздрагивают. То ли он успел увидеть Димкин позор, как он считал ступени, то ли догадался...

— Дима? Я не ошибся, тебя так зовут? — спросил капитан.

— Ага, так, — промычал Димка.

— А что ты здесь делаешь?

И вдруг, увидев растерянное, красное от смущения Димкино лицо, все понял:

— Никогда не был в рубке управления? И очень хочется побывать, да? Ну, если так, заходи.

Вот это да-а! И как капитан догадался?! Димку словно кто подбросил — в один миг он преодолел верхние ступеньки и очутился на капитанском мостике.

Только это был совсем не мостик, а большая полукруглая комната, и весь полукруг застекленный, смотри хоть налево, хоть направо... На стенах полно приборов, ручек, кнопок, трубок, что ведут куда-то... Летом, когда Димка был в Москве, в зоопарке, его глаза так быстро не перебежали от одних зверей к другим, как здесь от одного незнакомого предмета к другому. Но вот досада! Там на каждой клетке была надпись: «Африканские макаки», «Австралийские какаду»... А здесь... Догадывайся сам для чего. «Ладно, — успокоил себя Димка, — не все сразу».

— Приглядывайся, — сказал ему капитан, — а что особо интересует, спроси.

И отошел к окну.

Посредине капитанского мостика — штурвал, за которым стоит штурвальный матрос. Штурвал до смешного мал — с колесо детского велосипеда, а громадина-ледокол повинуется ему.

Тут Димка услышал команду капитана. И очень удивился. Он был уверен, что капитан отдает команду всегда властным, если и не громовым, то все же громким голосом: «Два румба лево! Так держать». А Александр Петрович сказал совсем просто, даже как-то по-домашнему:

— Коля, возьми немного левее. Держи вон на то водяное облачко.

— Есть держать на водяное облачко, — четко ответил матрос и повел штурвал.

Димка глянул в окно. «Водяное облачко» — он о таком никогда и не слышал. А ведь вон оно, впереди по курсу, темное, дождевое. Только почему надо идти на него?

— Там разводье, — увидев недоумение на Димкином лице, пояснил ему Александр Петрович. — Водяное облако — это испарение, которое идет от чистой воды. Мы стараемся идти не напролом, а используем трещины, разводья, чтобы облегчить работу машинам. Понял?

Димка кивнул.

— А справа, вон, темнеет и поблескивает, это тоже чистая вода? — спросил он.

— Водяного облака там нет?

— Нет. Значит... — Димка задумался. — Значит, там нет разводья? Тогда что там?

— Молодой ледок. Днем снег на льду растаял, а ночью талую воду прихватил мороз, вот ледяная корочка и темнеет, обманывает.

«В школе учишь-учишь, — подумал Димка, — даже наизусть зубришь, а здесь ничего не учил, а за пять минут столько всего узнал...»

Ледокол вошел в разводье, тряска прекратилась, стало тихо.

— В машинном, прибавьте ход.

Эти слова команды капитан проговорил, чуть наклонившись, в трубу, которая поднималась прямо из пола, рядом со штурвалом.

— Есть прибавить, — глухо донеслось из той же трубы. И Димка сразу узнал голос.

— Это вы дяде Васе команду отдали? — обрадовался он.

— Ну, если на вахте сейчас Василий Ефимович, значит, ему.

И вдруг, что-то вспомнив, Александр Петрович спросил Димку:

— А ты тюленей уже видел?

— Были тюлени? — охнул Димка.

В его голосе было столько огорчения, что Александр Петрович поспешил успокоить:

— Ничего, еще увидишь.

А через минуту показал:

— Вон, черточки вдали, это они. Скоро подойдем.

— Взаправду тюлени? — не поверил Димка.

И вдруг заволновался: что если тюлени испугаются ледокола и уйдут?

Но черточки не исчезали, они приближались, увеличивались. Уже было видно, что это живые существа. Они шевелились. Они разбредались по льду, сколько видит глаз, до самого горизонта. Их было двести, пятьсот, тысяча?.. Не сосчитать. Димка никогда не думал, что тюленей может быть так много сразу.

— Я побегу вниз, там, виднее, — кинулся он к двери. Но, спохватившись, обернулся, крикнул:

— Спасибо за все, Александр Петрович!

— Беги, беги, — махнул ему рукой капитан.

Димка уже стучал каблуками по трапу. «Хорошо, что вспомнил сказать «спасибо», — обрадовался он про себя, — здесь все вежливые».

ТЮЛЕНИ

На нижней палубе уже собралось несколько свободных от вахты матросов, которых тоже привлекли тюлени. Тюлени дремотно лежали на льду, подставив солнцу темные лоснящиеся спины.

— Как курортники в Евпатории на теплом песочке, — рассмеялся кто-то рядом с Димкой.

Уступая дорогу ледоколу, тюлени поспешно отползали, переваливаясь с боку на бок, работая лапами, как локтями. Грузные, ленивые, они, между тем, были очень мягки в движениях.

— А хвост-то, хвост как виляет! — не удержался Димка, — Смехота!

Тюленьи хвосты, а точнее — задние лапы, — так и ходили по льду туда-сюда, помогая передвигаться. Отступив немного, тюлени поворачи-

вались, поднимали головы, с любопытством смотрели на ледокол, на людей, которые с таким же любопытством смотрели на них. Раскрывали пасти, ревели. Их голоса смешивались с грохотом ломающегося льда. Димке казалось, они кричат: — Здорово, ледокольщики!

И он тоже закричал им:

— Здорово!

В их голосах, во взгляде больших круглых глаз, во всем поведении не было гнева на ледокол за то, что он потревожил их. Может, они даже были рады вскрытой воде. Они весело бросались в нее головой вниз (и не холодно им! — поежился Димка). Выныривали уже позади ледокола и снова взбирались на лед.

Неожиданно на палубу откуда-то снизу, из открытой двери выскочила собачонка, звонкоголосая, лохматая, с задранным на спину хвостом. Увидев тюленей, понеслась, залиристо лая, до кормы, и там еще продолжала лаять, кидаться из стороны в сторону. Как только за борт не вывалилась! Димка уже второй день на ледоколе, а совсем не знал, что, кроме него, здесь есть еще «пассажир», — этот, хвостатый.

Вернувшись, собачонка подбежала к матросам, с упреком заглянула в глаза: «Что стоите?! Вон же морские звери!»

Димка присел перед ней на корточки.

— Ты откуда взялась? У тебя тоже каникулы? И чего лаешь? Они же хорошие зверюги!

Собачонка притихла и, вроде как все понимая, слушала Димку. А хвост еще больше закручивался за спину. Понюхала Димкину ладонь и побежала на верхнюю палубу. Но вдруг, увидев новых тюленей совсем близко, с лаем бросилась к борту и — вниз по трапу. Казалось, сейчас перевернется через голову, ведь трап крутой, но она, видно, ко всему здесь была привычна, с лаем неслась уже дальше.

— Филя, смотри, не охрипни, — засмеялся молоденький, в незастегнутой куртке — матрос.

«Нет, Филька здесь постоянный житель, можно сказать, член команды, — подумал Димка и даже позавидовал: — Наверно, и у Новой Земли был...»

Тюленья стада все не кончались. Новые тюлени, подняв головы, провожали ледокол. «Жаль, фотоаппарата нет, — подосадовал Димка, — вон они как позируют, одним боком повернутся, другим, ну как, хороши мы? Вернусь домой, буду рассказывать в школе, найдутся такие, что не поверят...»

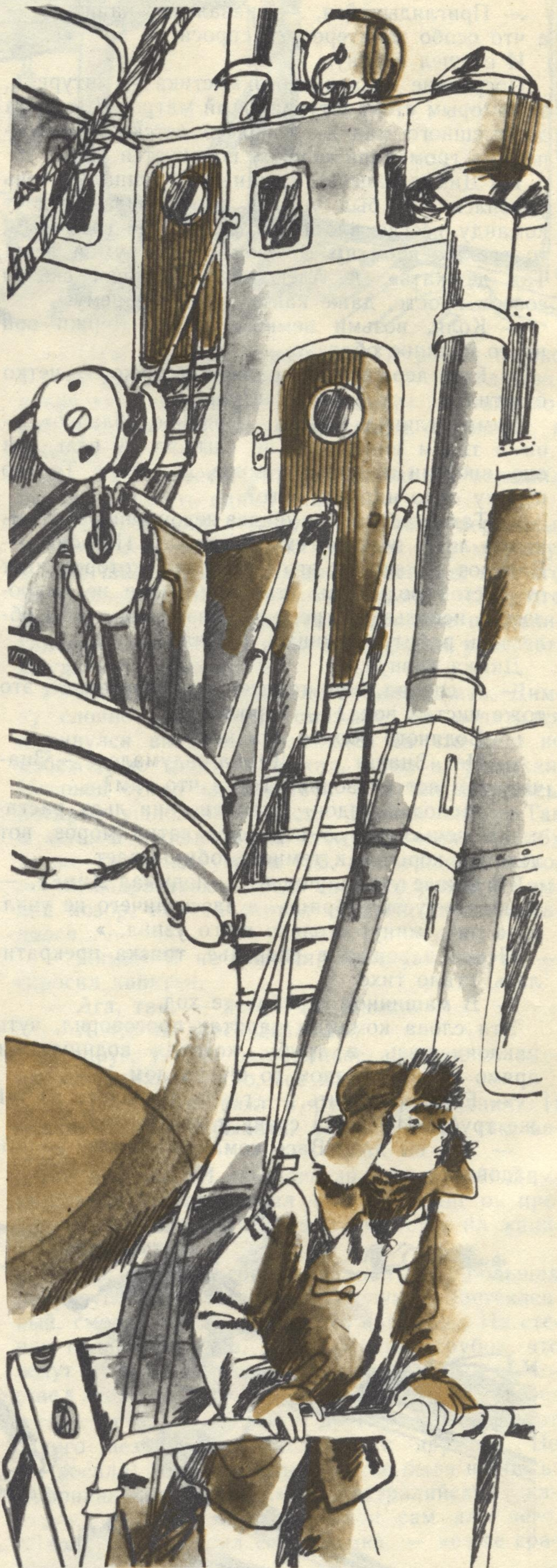
— Не боятся они нас, — положив руку Димке на плечо, сказал матрос, тот самый, в расстегнутой куртке. И усмехнулся: — Должно быть, знают, хитрюги, что отстрел их запрещен.

— Правда? — обрадовался Димка.

— Уже третий год. Тюленей, моржей, белых медведей, всю живность северную надо беречь. Это все знают. Иначе останутся в Арктике одни голые льды.

— Э-э-й, тюлени-и, — замахал руками Димка, — живите на здоровье!

Скоро тюленья стада остались позади. Кругом

до горизонта белели льды, тихие и опять пустынные. Но Димка уже знал, что не всегда они бывают такими.

ОГОРЧАТЬСЯ ИЛИ РАДОВАТЬСЯ?

После ужина, собрав в миску куриные косточки, Димка выбежал на палубу, чтобы угостить Фильку. На его свист Филька мигом примчал и, пофыркивая от удовольствия, стал лакомиться.

Спускались сумерки, от закатного солнца лед порозовел, а вода в широкой полосе взломанного льда погустела, стала почти черной. Димку удивило: почему ледокол не идет по этой свободной полосе, а гроыхает по ледовой целине? Ведь капитан говорил: чтобы легче было машинам, надо вести ледокол по трещинам или разводьям. А штурвальный жмет напролом. Не видит, что ли, чистую воду?

Димка кинулся было сказать об этом штурвальному, но остановился. Слева по борту он увидел уже знакомую льдину, высокую, остроконечную, вставшую «на попа». Еще днем, на его глазах она вздыбилась, покачалась — вот вот упадет! — и застыла. С тех пор они сколько уже прошли, а она опять тут. Что же, они идут назад?

Димка побежал в каюту.

— Дядя Вася, почему мы идем обратно в Мурманск? А как же Архангельск?..

Димка ожидал, что дядя Вася всполошится, скажет: пойду, узнаю. Но дядя Вася никуда не пошел, а спокойно, только немного смущенно ответил:

— В Архангельск попадем, но не так скоро, как надо бы. Получен приказ проложить здесь, в море, широкий фарватер для свободного схода северодвинского льда. Сейчас идем назад, потом пойдем снова вперед. И так не один раз. Видно, зря я тебя с собой прихватил. Все твои каникулы могут пройти на ледоколе. Ты огорчен?

Димка был в растерянности. Он и сам теперь не знал, огорчаться ему или радоваться. С ледокола сходить еще совсем не хотелось, он только еще стал входить во вкус этой «трясучей» ледокольной жизни, где все так слаженно и дружно — и у людей, и у машин... И хотя кругом их обступили холодные льды и задувают ветры, на душе у Димки тепло. От людей — простых и добрых, уже почти принявших его в свою морскую семью. И еще неизвестно отчего. Может, оттого, что льдины по бокам ледокола встают все другие и другие, и нет им конца...

А как вспомнит дедушку с бабушкой, так сразу к ним тянет. Хоть прыгай по льдинам к ним навстречу. Он их видел давно, когда был маленьким, но помнит хорошо.

Дедушка, высокий, почему-то всегда ходил в большущей из волчьего меха шапке. В «чижика» с ним играл. Сейчас почему-то ребята их двора в эту игру не играют. А Димке она нравилась. Руки у дедушки корявые, если погладит по голове, кажется, будто они в занозах, а сколько всего умеют!..

Бабушка — маленькая, непоседливая, говорит протяжно, будто песню поет: «Пошто плохо кушаешь-то? Большим да сильным не вырастешь-то». И все старалась угостить Димку повкуснее — то пирогом с черникой, то киселем каким-то особенным.

Однажды он сказал ей:

— Я деда больше люблю, он паять умеет, а ты что?..

Бабушка очень расстроилась. Теперь-то он ей такого нипочем не скажет.

Мало, совсем мало недели каникул! Ну, почему сейчас не летние?! Тогда бы ему на все времени хватило. А теперь — только приедет, и уже уезжать надо...

— Наверное, волноваться будут, — посмотрел он на дядю Васю.

— А мы радиogramму пошлем.

— А можно?

— Все в наших руках. Ну-ка, сообрази, что напишем.

Димка задумался. Ему хотелось найти такие слова, чтобы бабушка и дедушка поняли: плавать на ледоколе — не шутка!

— Давай, напишем, что нас затерло во льдах, — предложил он.

— Но это не совсем так, — замялся дядя Вася. — Они решат, что у нас машины вышли из строя, а они в порядке. Нас задерживает работа во льдах. Давай, так и напишем.

— Давай, — согласился Димка.

Добавили еще, что здоровы и шлют привет. Вместе поднялись в радиорубку.

— Женя, будь друг, передай, — положил перед радистом листок дядя Вася.

Радист пробежал взглядом текст.

— Торопись на берег? — спросил он Димку.

— Я к бабушке с дедушкой. На каникулы.

— Понял. Может, сам отстучишь? — спросил он не то всерьез, не то шутя.

— Не, я морзянку не знаю.

— Так это просто. Клади ладонь на ключ.

— На этот пластмассовый шарик? — усомнился Димка.

— Да. Это и есть ключ. А теперь постучи ладонью по нему. Вот видишь, получается. Ну, а чтобы по-настоящему было, давай вместе.

Женя положил свою руку поверх Димкиной и постучал несколько раз — четко, ритмично, то коротким ударом, то удлиненным. И также то коротко, то удлиненно пропищал аппарат.

— Что получилось? — затаенно спросил Димка. Ему как-то не верилось, что этот писк понес далеко в эфир слова.

— Получилось: «город Архангельск».

Дальше Женя стал уже сам передавать текст. А Димка подумал: жаль, что он не знает Юшкин адрес в Коноше. И жаль, что не научился еще работать ключом. А то бы отстучал ей: «Затерло во льдах, передай в школе, вернусь неизвестно когда». Вот бы у нее округлились глаза. А то: «...нет кия, болтает...»

То, что неизвестно было, когда Димка вернется домой и пойдет в школу, было правдой. На ледоколе сменялись вахты, одни матросы, меха-

ники, электрики шли отдыхать, другие становились на их место. Днем и ночью ледокол «утюжил» лед Белого моря.

Димка уже привык к беспокойному полу под ногами и почти как заправский моряк ходил, ни за что не держась. Он и засыпать стал под тряску и грохот, и спалось ему сладко, даже сны никакие не снились.

Вставал рано, вместе с дядей Васей. Болтаться зря, когда кругом все заняты делом, было советно. Он бежал помогать матросам драить палубу. Швабра большая и тяжелая, от старания Димку даже на холоде прошибал пот. «Дома почему-то не получается даже веником подмести, сколько мама сердится за это!..» — взгрустнулось Димке.

Когда отдраенную палубу окатишь из шланга водой, она становится розовой, а когда просохнет, на нее хоть во всем белом ложись, ни одна пылинка не пристанет.

Матросы хвалили Димку и предлагали остаться у них насовсем. Эх, и здорово бы!..

КАК ВСТРЕЧАЮТ МОРЯКОВ?

На шестые сутки показалась земля. Во времена Колумба в подобном случае впередсмотрящий закричал бы: «Земля! Вижу землю!»

Димке тоже захотелось крикнуть:

— Земля-а! Скоро Архангельск!

Хотя Димка в море пробыл еще очень мало, но волнение моряков при виде земли после долгой разлуки с ней было ему понятно.

А земля (берег Северной Двины) стала удаляться. Ледокол опять пошел назад. «У меня же завтра последний день каникул!» — огорчился Димка.

Неожиданно его позвали:

— Дружище, поднимись сюда.

— Могу порадовать, — сказал ему Женя, когда он вбежал в радиорубку, — получен приказ без задержки идти в Архангельск. Паводок уже подходит к городу. Так что собирайся.

Вот тебе и раз!.. Ждал, ждал этого, а когда сказали: собирайся! — не хочется, ну совсем не хочется ему уходить с ледокола!

Сойдет он на берег, и никто уже больше не крикнет ему: «Димка, тащи шланг! Уложи концы в бухту». Никто не подбодрит, когда что-то не получается, не посмеется весело и необидно.

Димка пробовал уже семафорить флажками — Митя Седых, тот матрос, самый молодой, с которым он больше всех подружился, — научил. А Женя-радиот обещал обучить морзянке. Да тут столько всего!.. А теперь все побоку...

В каюту пришел дядя Вася и с облегчением (он считал себя виноватым в том, что не доставил Димку вовремя по назначению) тоже сказал:

— Собирайся.

Что Димке собираться? У него одна сумка. В ней подарки для бабушки с дедушкой и всякая мелочь. Засовывая в кармашек зубную пасту,

щетку, он поглядел на своего усатого дядюшку, и чуть не вырвалось у него вслух: «А мировой у меня дядя! Ни разу не сказал: — почисть зубы, застегни пуговицу, причешись, не балуй!» Как в самом начале сказал: «Смотри, не подведи меня!» на том и кончил.

И Димка не подвел.

Мимо уже плыли берега Северной Двины. Правый на много километров был завален штабелями леса. Они ждут чистой воды, лесовозов, которые увезут их. Чистой воды ждут и сотни больших и малых судов, рыбачьих баркасов, лодок. Ждут начала навигации, путины. Ледокол колот уже речной лед, и по бокам его выныривали не голубые, как в море, а зеленоватые с коричневыми прослойками льдины.

— Швартоваться будем у знаменитой Красной пристани, — сказал, подойдя к Димке, Митя Седых. — Ты еще не видел ее? Скоро увидишь.

Димка знал, чем знаменита эта пристань. От нее уходили когда-то в далекие северные плаванья шхуны отважных полярных исследователей Пахтусова, Русанова, Седова... Толпы архангелогородцев провожали их, махали платками и шапками, смотрели вслед — долго, пока шхуны не растают вдали...

— Вода! — вдруг пораженно крикнул Димка.

— Она, вешняя, — подхватил Митя.

Вода катила поверх льда навстречу ледоколу, мутная, торопливая, несла с собой разные обломки, палки, какие-то чурки, весь мусор, что накопился за зиму. Умывала лед. Обтекая ледокол, шумно вихрилась воронками, сбегала в трещины, разломы льда. Она растеклась во всю ширь реки, до берегов.

Вода быстро прибывала, лед уже не выдерживал, взламывался. Всплывали, покачивались мокрые обломки.

А впереди по курсу льдины заклинило. Другие, гонимые течением, лезли на них, беспорядочно громоздились. На глазах росла ледовая гряда, преграждая путь воде. Ледокол с ходу врезался в эту запруду, подминая ледяные глыбы. И вот уже освобожденная вода ринулась дальше.

Димка не мог глаз оторвать.

— Мы вовремя пришли, — сказал Митя. — Но еще не один затор будет впереди.

Показались первые дома на берегу, невысокие. Маковка церквушки. Город узкой полосой уходил вдаль.

— У меня в Архангельске отец и мама, — сказал Митя. — Придут встречать. Я их год не видел.

— Год не видел маму? — удивился Димка.

И то ли ему передалось волнение Мити, то ли близость встречи с бабушкой и дедушкой сказала, только он вдруг почувствовал, как громко застучало сердце, будто наружу рвалось. На берегу его ждут дедушка и бабушка, ждут с нетерпением, как всегда с нетерпением ожидают возвращения всех моряков...

Извещая всех — тех, кто на борту и кто на берегу, — что он подходит к древнему городу Архангельску, ледокол дал долгий гудок.

В ЛЕСАХ ПОД ВЕРДЕНОМ

Небольшой поселок на берегу реки Луги. Тихая, заросшая кустами малины улочка. Маленький дом с верандой. Светлые, с белыми занавесками, окна. В саду возле дома — пожилая женщина. То ли сажает, то ли окучивает.

Открываю калитку, подхожу ближе.

— Здесь живет Галина Алексеевна?

— Здесь.

— А можно ее увидеть?

— Это я...

И сразу бросились в глаза по-крестьянски широкие, узловатые руки, добрая застенчивая улыбка и эти седые пряди, выбившиеся из-под платка.

Весной сорок первого года она закончила пятый класс. Домой из школы принесла похвальный лист. А через три месяца не было уже ни дома, ни школы. На околице сгоревшей деревни стояли танки со свастикой. За мостом хлопали выстрелы: там у придорожной канавы расстреливали раненых красноармейцев. Толстый фашист в очках ходил по саду с наволочкой и рвал яблоки. Мать подбежала к нему, закричала:

— Ты их сажал? Ты выращивал?

Отец, опустив голову, сидел на скамейке. Он был инвалидом еще с гражданской. А брат сказал: «Ну, гады, это вам припомнится!» И ушел в партизаны.

11-я Волховская партизанская бригада собирала свои силы в лесах за Черной речкой. Бригаде нужен был связной в Толмачево. Брат предложил:

— Сестренка у меня там живет. Боевая...

И вот ночью она идет к Черной речке. Высоко над полем — звезды и белая, с одного бока чуть срезанная луна. Впереди жутко и радостно темнел лес: там брат, там партизаны. Вдруг где-то рядом затрещали сучья. Неужто немцы? Вздвигнув, затаила дыхание. А треск ближе, ближе. В двух шагах от девочки на тропинку выскочил лосенок.

А в другой раз, возвращаясь из леса, она увидела, как со стороны деревни к лесной опушке по полю идут фашисты. Передернув затвор автомата, брат крикнул:

— Назад! Беги назад!

Но бежать назад было поздно. И Галя спряталась за деревом, единственным деревом,

которое оказалось поблизости. Услышав крик и сухое шелканье затвора, враги остановились и... повернули обратно: не решились идти в ночной лес.

С тех пор до Черной речки Галя провожала мать...

— Два года я была связной, — вспоминает Галина Алексеевна. — Часовых обманывала, засады обходила. Но выдал меня предатель. Схватили, повезли в гестапо, а я думаю: «Ничего себе, четверых конвоиров приставили!» В гестапо я ничего не сказала. И отправили меня в Германию, в лагерь смерти Равенсбрюк. Там остригли, выдали полосатую одежду, старые деревянные колодки. Имени у меня уже не было. Был номер 28313. Мы работали в каменоломнях, носили камни, обтесывали, мостили дороги. Но, что бы я ни делала, я все время чувствовала, как за спиной дымят трубы крематория. И однажды ночью нас неожиданно подняли и куда-то повели. Мы думали — на расстрел и потихоньку прощались друг с другом. Нас привели на станцию. Оказалось, в другой концлагерь едем — Эрувиль...

Каждое утро в Эрувиле на плац, где стояли узницы, выходила красивая немка и прохаживалась перед строем. Огромная овчарка, высунув язык, следовала за ней. Немка распределяла на работы, властно помахивая плеткой.

Однажды Галя испытала на себе ее удар. В то утро колонна заключенных как обычно отправилась к угольным шахтам. Но день был необычный — 1 мая 1944 года. И вдруг над колонной взвился красный флаг. Женщины повязали алые косынки, а Галя — пионерский галстук. Флаг, косынки и галстук они сделали из материала, который им достали французские подпольщики.

Кто-то запел:

— Смело, товарищи, в ногу...

Песню подхватили. Солдаты, поднимая приклады, бросились на женщин. А красивая немка яростно хлестала плеткой, стараясь попасть по лицу, по глазам...

— Сразу после Первой бежали мы из Эрувиля. Шестьдесят три узницы. От погони ушло тридцать семь. Среди них была и я. Шли, обходя села и деревни. Если слышали рокот немецких машин, прятались в заросшие канавы. Потом остановились у лесного ручья, шалаши построили, решили организовать партизанский отряд. Командиром выбрали Надю Лисовец, а меня — разведчицей. Первым делом раздобыли оружие, наладили связь с французскими коммунистами, начали воевать. Нападали на вражеские колонны, тихо снимали часовых, взрывали склады. Представьте, как удивились фашисты, когда узнали, что во Франции, за тысячи километров от России, появился русский комсомольский отряд «Родина»!

Там, в лесах под Верденом пионерка Галя Демьянова впервые взяла в руки автомат. А комсомолкой стала после Победы, когда вернулась домой.

— Никогда не забуду, как бежала со станции по деревне, редела, слезами заливалась — вдруг родители погибли? Смотрю: на месте сгоревшего дома хибара стоит. Стучусь. Отец (он тогда был председателем колхоза) открыл дверь, сказал «сейчас» и захлопнул. Слышу, говорит матери: «Пионеры пришли — картошку копать. Пойду, покажу где». Не узнал, значит, свою дочь. Я к концу и кричу: «Мама, мамочка!» Обернулась она на крик, увидела меня и, не говоря ни слова, упала... А через несколько дней я пошла в школу и стала учиться в шестом классе.

Накинув на плечи теплый шерстяной платок, хозяйка проводила меня до калитки. Похрустывает под ногами последний ледок. В темном небе мерцают колкие весенние звезды.

Е. ЛУКИН

Рисунок М. Агалакова

КОМСОМОЛ НА МАРШЕ ПЯТИЛЕТКИ

От болот Уренгоя до Карпат развернулась эта Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Пять нитей газопровода прокладываются сейчас одновременно с севера Сибири до территории европейской части нашей страны. За Уральским хребтом магистрали начнут разветвляться. Самая длинная проляжет до Ужгорода. Об этой ветке сейчас знает весь мир — ведь именно по ней пойдет газ в страны Западной Европы.

Ленинградские конструкторы и рабочие приступили к созданию газотурбинных нагнетателей «ГТН-25».

И вот осенью прошлого года на испытательном стенде производственного объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина встал первый агрегат, а в цехах завода уже шла сборка следующих машин. Испытания проводились очень тщательно: на трассе один такой нагнетатель должен перекачивать газ на тысячи километров под давлением 25 атмосфер!

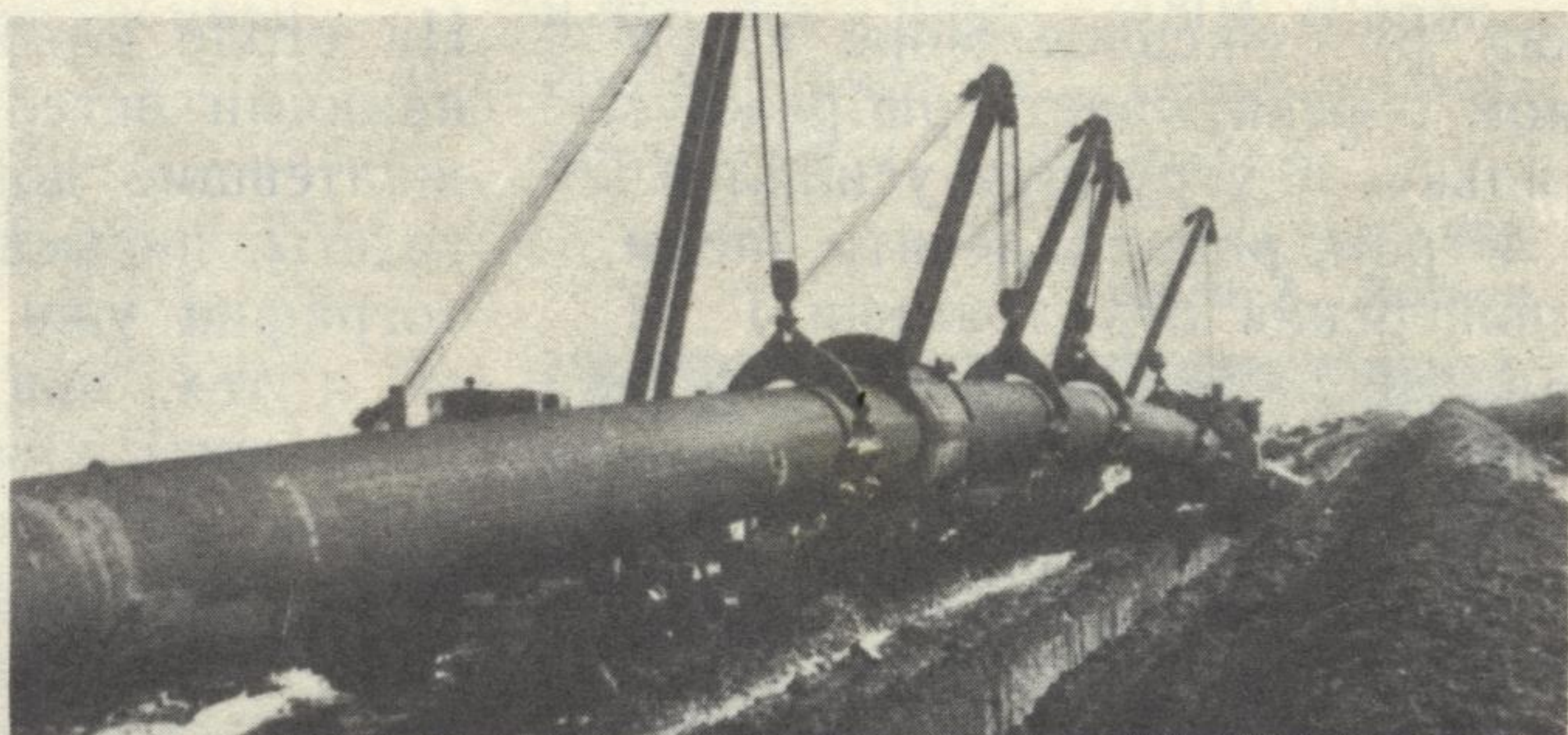
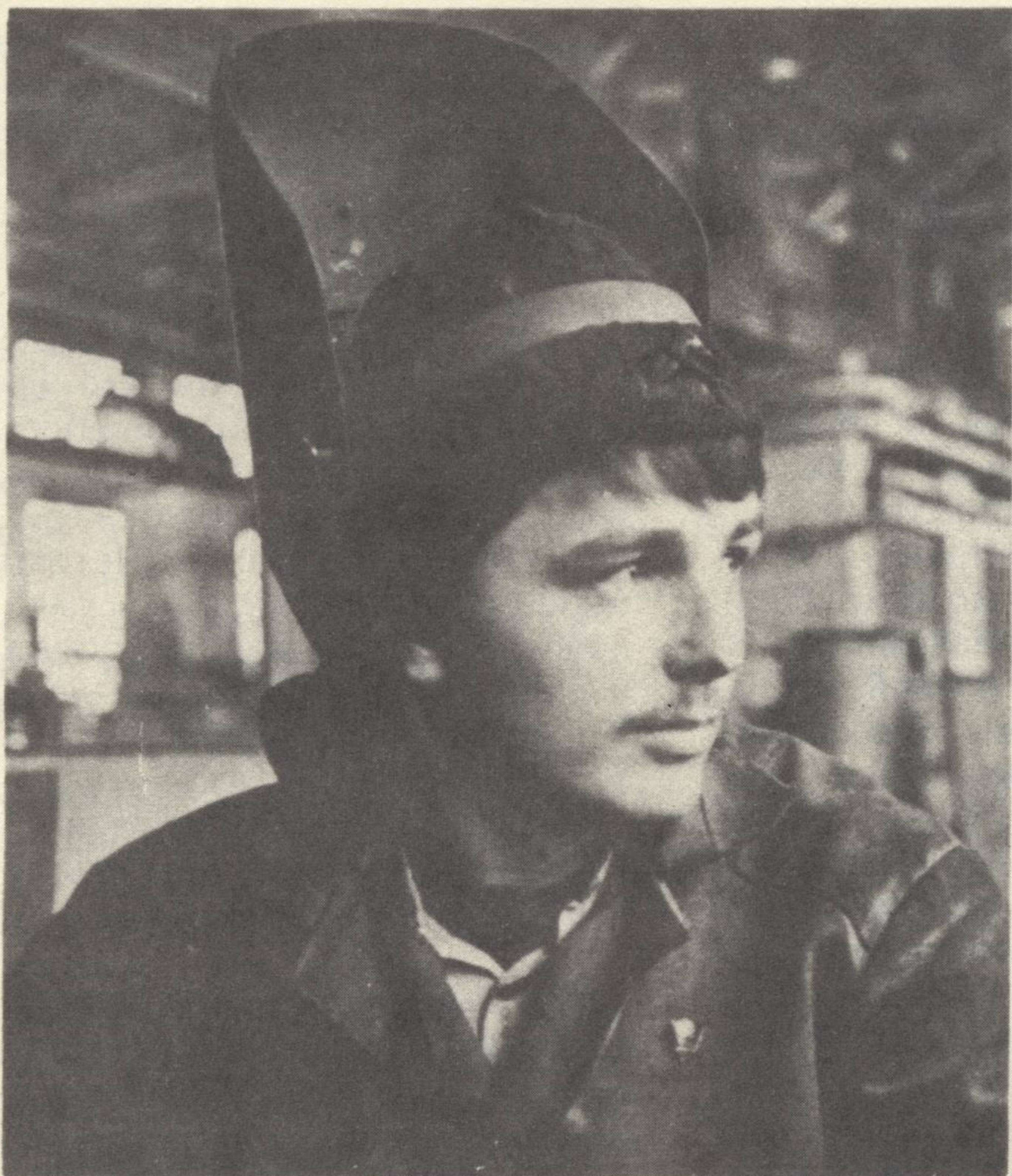
Испытания показали, что по многим показателям «ГТН-25» превосходит лучшие зарубежные образцы.

В соревновании за создание уникальных машин для Ударной стройки впереди шли комсомольцы.

С. РАЗИН

Фото М. Ширмана и В. Дудко

Сварщик Геннадий Ефремов.

Идет строительство газопровода.

На сборке — «ГТН-25». Объединение «Невский завод» имени В. И. Ленина.

Комсомольско-молодежная бригада сварщиков Марата Латыпова (второй слева) у испытательного стенда.

АДРЕС ИЗВЕСТЕН

Накануне, еще во время уроков, крупными мокрыми хлопьями повалил снег. А к вечеру, когда снег кончился, налетел ветер. Он гнул до земли ивы, гудел в печных трубах. Ночью во всем поселке было слышно, как разбуженное море с шумом перекачивает прибрежную гальку. К утру шум усилился...

Утром, ровно к девяти часам, пионерский отряд имени Г. И. Вислобокова в полном сборе прибыл к начальнику Феодосийского порта. Впереди стоял Юра Зарубин, бережно держа большой еловый венок.

Голос начальника порта прозвучал отрывисто и глухо:

— Сводка такая: ветер 15—20 метров в секунду, волнение моря 6 баллов. Другими словами, шторм. Выход в море запрещен. Но для вас сделано исключение. Пойдете в сопровождении катера-спасателя. Требую соблюдать дисциплину и все меры предосторожности.

Ребята облегченно вздохнули. Если бы начальник им отказал... Впрочем, в это «если бы» никто не хотел верить. Ведь отложить их дело на другой день нельзя — следующее 29 декабря будет только через год.

Спустя полчаса два катера покинули порт и взяли курс в открытое море. И если не считать штормовую погоду, все было, как и год, и два, и три назад. Так же почти скрылся из виду берег. Так же торжественно был спущен на волны венок, и десятки рук взметнулись в пионерском салюте. И высокие волны подхватили зеленый венок — дань памяти героев Керченско-Феодосийского десанта.

Ребята молчали, глядя на приближающийся берег. А Юра Зарубин подумал: «Наверное, и тогда десантники на кораблях, как мы, смотрели в сторону берега. Только шторм был тогда не шесть баллов, а во-

семь. И была ночь, а не день. А в городе и даже в нашем поселке были фашисты...»

С Юрой Зарубиным и другими следопытами поселка Приморский я познакомился в школьном музее боевой славы. На столе альбомы с воспоминаниями ветеранов войны, пожелтевшие документы, старые газеты, письма. На стенах фотографии уже известных героев и тех, чьи имена удалось установить совсем недавно. Вот портрет Георгия Ивановича Вислобокова, погибшего 29 декабря 1941 года, капитана теплохода «Кубань». Г. И. Вислобоков посмертно награжден орденом Ленина. Его имя носит отряд 8 «а» класса.

А вот фотография летчика Вервищенко. Ее прислали в музей родственники героя, ничего не знавшие о нем много лет.

Рассказывает Лена КОНЕВА:

«Однажды на окраине поселка мы обнаружили останки советского летчика. По сохранившимся в гимнастерке документам установили фамилию погибшего. Но что делать дальше,

не знали. И тогда наша учительница Полина Васильевна посоветовала написать в Москву. Из Министерства обороны нам сообщили город и военкомат, откуда призывался Вервищенко. А тем временем мы расспрашивали местных жителей, не знает ли кто об этом летчике. И одна женщина вспомнила, как в 1941 году за поселком приземлился горящий советский самолет. Летчик был тяжело ранен. Он сумел доползти до ближайших домов и спрятаться в сарае. Но немцы с овчарками обнаружили его. Вервищенко погиб.

Эта история нас поразила. Пожалуй, впервые мы узнали о войне не из учебника».

Так начался в школе следопытский поиск, в который включились и старшие пионеры, и четвероклассники. Первые успехи сменились трудной и напряженной работой. А работы оказалось очень много. В самом Приморском — большая братская могила и несколько захоронений погибших в 1941—42 гг. Потребовалось выяснить, все ли имена известны, знают ли родственники павших бойцов, что прах их деда, отца, брата, сына покоится здесь, на крымской земле? Отрядные походы получили теперь точные маршруты: Акмонайские высоты, деревня Кой-Асан, высота 66,3. В этих местах шли особенно ожесточен-

ные бои. Один за другим обнаруживались новые материалы, новые факты, новые имена.

Рассказывает Лена СОБКО:

«Вот фотографии Шульги Семена Сергеевича. Он был телефонистом. Погиб 9 апреля 1942 года на высоте 66,3 близ села Фронтное. До последней минуты он держал связь, пока автоматная очередь не сразила его.

Мы нашли адрес матери Семена Шульги — Ирины Архиповны. Завязалась переписка. Не раз приглашали мы Ирину Архиповну в гости, но она, сестуя на годы и здоровье, не могла приехать — живет она далеко, в Калужской области. А как-то из одного ее письма выяснилось, что Ирина Архиповна живет совсем-совсем одна, и что дом ее весь разохся и крыша протекает, и что даже дров на зиму ей не под силу заготовить.

Срочно написали мы письмо в Калужский военкомат. Каждый следопыт подписался под письмом. Ответ пришел очень быстро. Из Калуги сообщали, что дом Ирины Архиповны отремонтирован, дрова заготовлены на год вперед и что заботу о матери героя взяли на себя местные пионеры».

Были и огорчения. Не всегда удавалось найти родственников погибшего воина или узнать имя безымянного героя. Порой сталкивались они с человеческим равнодушием. И это было самым трудным испытанием.

Но гораздо чаще люди шли навстречу следопытам. И начальник порта. И незнакомая сельская почтальонша, сумевшая доставить письмо вдове солдата, давно сменившей место жительства. И старые участники боев за освобождение Крыма, приславшие ребятам свои воспоминания.

Отряд имени Г. И. Вислобокова давно уже стал правофланговым. В походах окрепла настоящая дружба. Двойки как-то исчезли сами собой. И постепенно накопился большой опыт поисковой работы. А опытом надо делиться.

На Всесоюзной пионерской линейке, посвященной новому Маршу юных ленинцев, пионеры 8 «а» класса взяли шефство над четвероклассниками.

Рассказывает Саша КОНЕВ:

«Главное, чему научила меня поисковая работа, — по-другому относиться к людям. Раньше я почти не замечал стариков, а теперь при встречах думаю: все они прошли через войну. Многие из ветеранов люди очень мужественные, с сильной волей. Но всем им, я заметил, нужна наша забота, наше внимание. Не ради известности, а может быть, ради нас самих. Они любят нас и вообще любят людей. Хотя видели и пережили всякое. Я, наверно, сбивчиво говорю, но еще я понял, что людям необходимо знать, где похоронены их родные. Почему это так, я не могу объяснить — просто теперь знаю это и верю этому».

У набережной стоит памятник погибшим воинам. На плитах у Вечного огня высечены фамилии тех, кто покоится в братской могиле. Каждый год в День Победы приезжают сюда родные погибших, чтобы поклониться, возложить цветы. А приморские следопыты получают в этот день особенно много писем.

«Милые, дорогие ребята! Я дочь Алексея Константиновича Коростылева. Из похоронки я узнала, что отец похоронен где-то в Крыму. Подробностей не было. И вдруг — письмо от вас. Я часто слышала о следопытах, но никогда не думала, что посчастливится встретиться с ними».

Л. А. КОРОСТЫЛЕВА,
Орел

«...Сорок лет назад в боях с немецко-фашистскими захватчиками погиб на крымской земле мой брат Иван Васильевич Дворцов. На протяжении всего этого времени наша семья вела активные поиски места захоронения, но — безрезультатно.

И вот недавно получили ваше письмо...»

Н. В. ДВОРЦОВ,
Ленинградская обл.

«Я очень благодарна, дорогие, что своим благородным трудом вы дали мне возможность поклониться земле, принявшей моего отца, который сражался за наше с вами счастье».

М. И. ЧЕЛЫШЕВА,
Житомир

Письма приходят со всей страны. А на конвертах один и тот же адрес: 334804, Феодосия-4, поселок Приморский, школа № 7, следопытам.

С. ЧИГАРЕВ
Фото А. Лосько

ВЗГЛЯД С ВЕРШИНЫ

РАССКАЗ О ВОСХОЖДЕНИИ НА ЭВЕРЕСТ
ДНЕВНИКИ И ФОТОСНИМКИ АЛЬПИНИСТОВ,
КОММЕНТАРИИ ЖУРНАЛИСТОВ И ХУДОЖНИКОВ

БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ

Трудности на Эвересте начинаются в двадцати минутах ходьбы от базового лагеря, расположенного на высоте 5300 метров, там, где дорога уходит в ледовые лабиринты ледопада Кхумбу. Его загадочный «образ жизни» давно был известен всем альпинистам мира. «Ледопад ужасов», «Дорога через пекло», «Ужас Хиллари», «Ледовые джунгли», «Щипцы для орехов», — какими только эпитетами не награждали его восходители. Его огромное ледовое тело дышало, и каждый вздох его, эхом падающих громадин льда, разносился на многие километры вниз по ущелью...

С ужасающим постоянством он сползал по своему гранитному ложу со скоростью один метр в сутки, каждый раз представляя перед альпинистами в новом облике.

Передовая пятерка: Эдуард

Мысловский, Владимир Балыбердин, Владимир Шопин и Николай Черный задолго до подхода экспедиции установили палатку на месте будущего базового лагеря. Их задача — проложить путь через ледопад Кхумбу к первому штурмовому лагерю на высоте 6500 метров.

Семь дней «блуждала» в этом хаосе ледяных небоскребов группа. На восьмые сутки, сумев разгадать не одну сотню загадок, вышел на плато Западного цирка Владимир Балыбердин. Эта первая победа над Эверестом обрадовала всех и вселила надежду на удачу. Ворота под юго-западную стену, откуда начинался еще в Москве намеченный маршрут, были открыты.

А вскоре вокруг палатки передовой четверки вырос альпинистский городок, где началась привычная для всех его обитателей жизнь. Тропинки связали между собой десятки ярких палаточных домиков, широкая тропа вела к

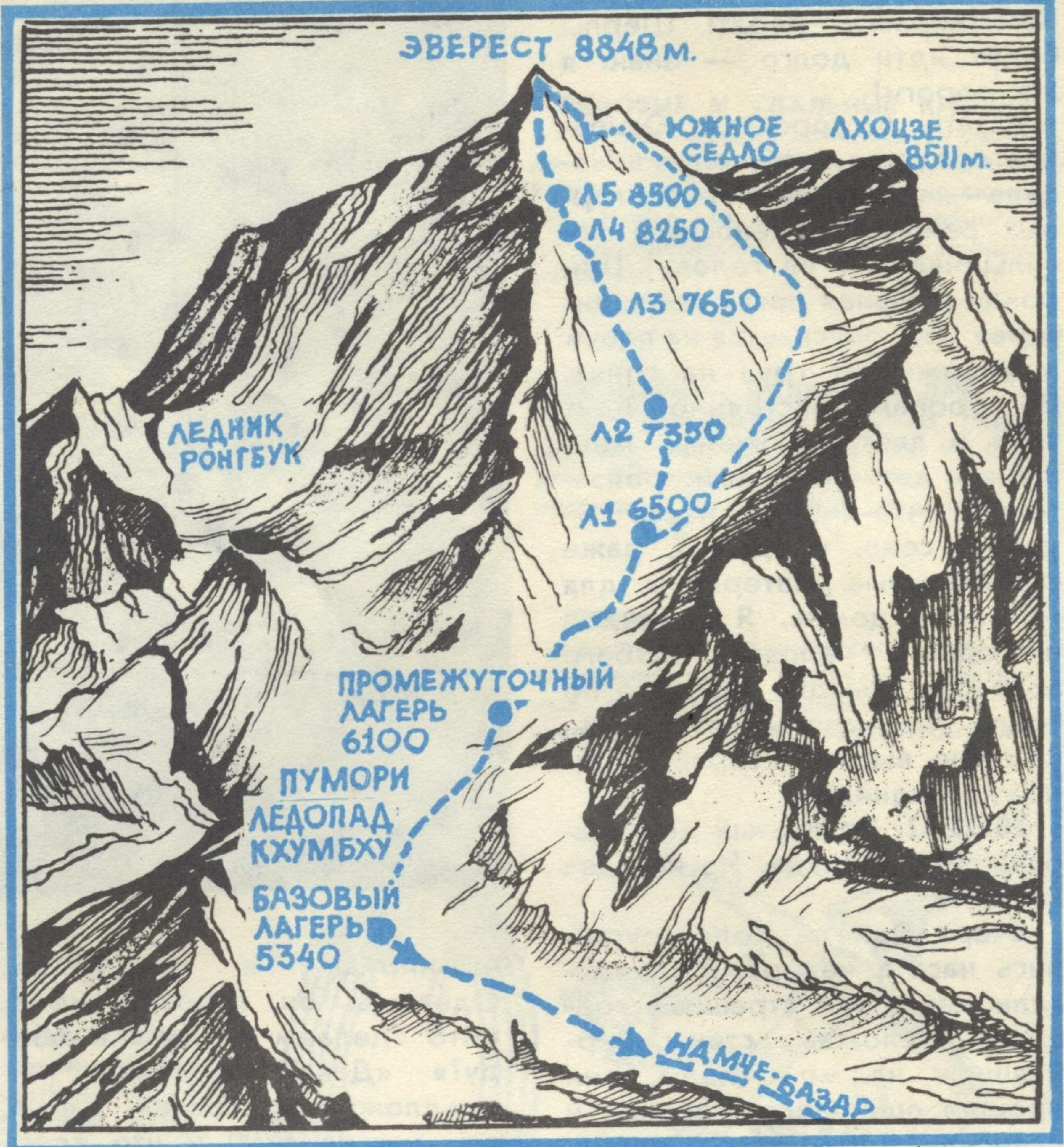
леднику Кхумбу, куда почти каждый день уходили альпинисты с грузом веревок, скальных крючьев, кислородных аппаратов, питанием. На пути к вершине предстояло установить пять промежуточных лагерей.

Установив первый лагерь, они спускаются вниз, отдыхают, а затем снова идут вверх с новым грузом, забрасывая его еще выше во второй промежуточный лагерь. И так повторяется до тех пор, пока вдоль маршрута будущего восхождения не образуется цепочка палаточных или пещерных лагерей с полным комплектом питания, кислорода, альпинистского снаряжения. Ведь по пути к вершине восходителей встречают лавины, ураганные ветры и другие неожиданности, и важно всегда знать, что ждет тебя там, хоть и не очень уютный, но все же дом, где можно отдохнуть, разжечь спиртовой примус и разогреть чай.

Посмотрите внимательно на рисунок с маршрутом восхождения. Вот так на склонах Эвереста создавались базовые лагеря. Последний на высоте восемь с половиной километров!

Из дневника Владимира БАЛЫБЕРДИНА

«15.03.82. Идем к базовому лагерю, размечая дорогу шнурами для остальных участников экспедиции. Я знал, что место для лагеря выбрано на скате ледника, но то, что я увидел, превзошло самые худшие представления. Никакого намека на площадку. Даже для

установки высотной палатки приходится серьезно поработать ледорубами. С шатром легче — его можно сначала поставить, а потом ровнять площадку, находясь под крышей. Едва успели установить три высотные палатки и шатер, начался обильный снегопад.

А вскоре пришел парнишка с запиской от Мысловского. Новости не очень приятные — наш главный караван застрял на половине пути из Катманду в Луклу, а основной состав экспедиции уже прилетел в Луклу и выходит к нам. Очевидно, скоро будут... Продук-

Комментарии спортивных журналистов Вениамина ШАЦА и Бориса КЛЕЦКО

Прежде чем работать на склонах Эвереста, кандидатам в сборную команду Советского Союза пришлось сдать невероятно трудный экзамен на склонах Памира, Тянь-Шаня, Кавказа, совершая сложнейшие восхождения. Их экзаменаторами были не только горы, но и современная наука: барокамеры, с помощью которых они «поднимались» на высоты до 11 километров, морозильные камеры с сорокаградусным морозом, ежедневные пятидесятикилометровые гонки на лыжах.

Сначала кандидатов было 50. Пятьдесят! После первого конкурсного испытания их осталось 40. «Диплом с отличием» на право называться гималайцем защитили 16 основных участников штурма и 4 запасных.

ты же застряли с караваном. Чем кормить ребят? Шерпы будут идти долго — знаю я эти дороги!

Кстати о дорогах... Основное средство сообщения в Непале — тропы. Весь груз в горных районах переносится носильщиками... на голове! Широкая кожаная петля проходит через лоб, опускается на плечи и удерживает груз на спине. По тропам постоянно идут вниз и вверх мужчины, женщины, дети. Каждый обязательно что-нибудь несет — дрова, сено, продукты, даже строительные материалы для мостов и домов. Я не видел ни одного человека любого возраста, праздно идущего по тропе. Яки используются только очень высоко в горах у подножия ледников.

20.03.82. Четвертый день работы на ледопаде. Из них два впустую.

Вчера Эдик и Коля спустились часа в четыре. Рассказывали, какие там страшные трещины и сложные стены. Вернувшись на мои следы, они прошли еще шесть веревок и повесили 120 метров перил. Вышли на пологую среднюю часть ледопада, но пути на склоны не нашли.

Во время ужина начался сильный ветер. К середине ночи он настолько увеличился, что свалил один шатер, а второй устоял только потому, что в нем спали шерпы, которые лихорадочно сдерживали метания своего дома. При этом внутри все было перевернуто и разворочено, низ шатра порван почти по всему периметру. В конце концов Дава и Науан оставили попытки закрепить шатер и уже под утро пошли спать в высотную палатку. К этому времени около шести часов ветер как будто стал стихать. Наш кемпинг «стоял».

Из дневника Леонида ТРОЩИНЕНКО

«Уже здесь, в базовом лагере, давала себя знать высота. Наш ответственный за питание Володя Воскобойников, человек на удивление ответственный. Его всегда мучило, если

что-нибудь не получалось. Однажды он спросил меня: «Что сделаем сегодня к обеду?» «Давай вареники», — предложил я, совсем забыв, что мы на 5300 и что здесь даже макароны не варятся»...

Из дневника Владимира БАЛЫБЕРДИНА

«21.03.82. Сегодня произошли два важных события: мы с Вовиком вылезли на 6100 и прибыла основная часть экспедиции. Вышли мы пораньше, в 4-15. Во многих местах путь оказался откровенно опасным. Венцом всего была шестидесятиметровая стена, в некоторых местах совершенно отвесная, состоящая из ледяных глыб, на которые нет никакой надежды.

Проходя ее, я натерпелся страха за себя и за Володю, который стоял внизу и которого я мог завалить одним неловким движением. После этого прошли еще одну стенку метров пятнадцать и по увалам подошли вплотную к северным скалам гребня Нукзе.

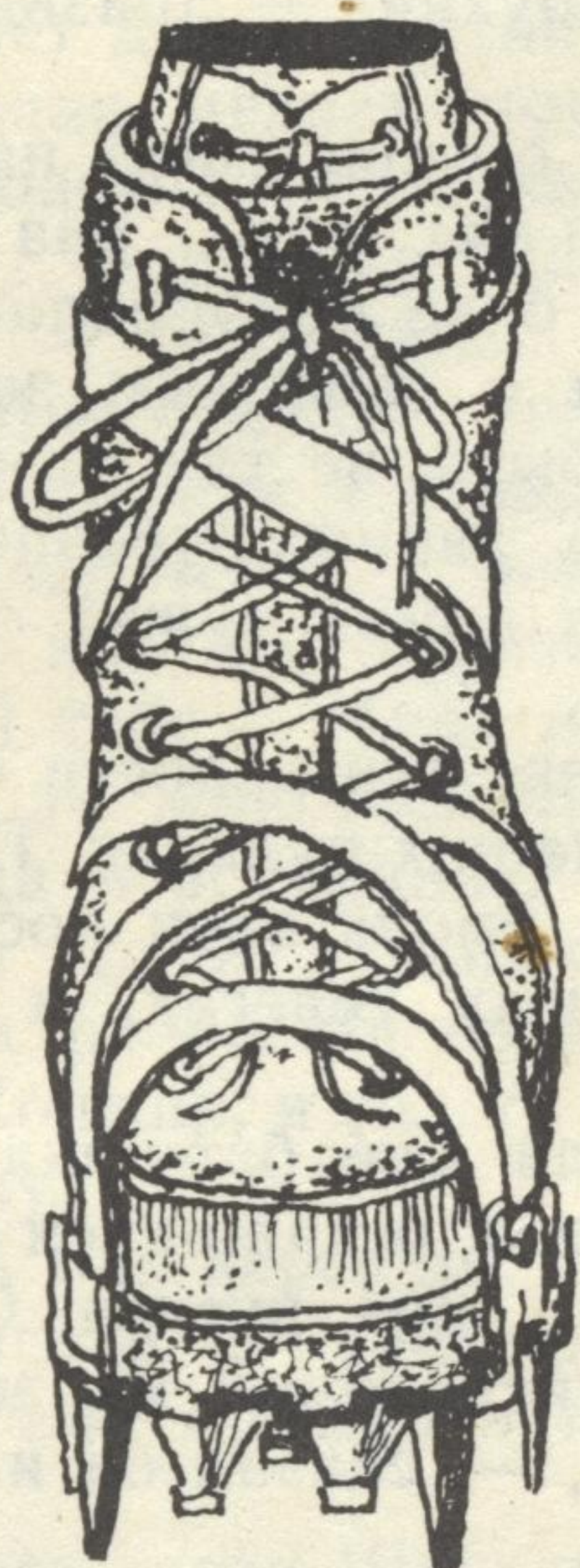
Отсюда ледник Кхумбу просматривается весь, видна вершина Эвереста и верхняя стенка нашего контрфорса. Опять поволновались на «живой» сте-

не. «Живыми» мы называем свободно лежащие камни, которые представляют особую опасность при восхождении. Случайно сдвинутый неосторожным движением, веревкой или сильным порывом ветра, такой камень может привести к камнепаду или обвалу.

...Ужасно чувствуешь себя, когда сверху со свистом и воем артиллерийского снаряда несетя целый залп камней самого разного калибра. Возможные места камнепадов все-таки мы стараемся предусмотреть и прокладывать маршрут по гребешкам или под стенками, чтобы иметь прикрытие.

В этом случае стараешься вообразить себя мухой, идешь крайне осторожно, медленно, плавно, без рывков, осматриваешь каждый камень, считаешь каждое движение, старательно укладываешь идущую за тобой веревку, которая тоже может нарушить равновесие. А главное, что на живых стенках, как правило, невозможно организовать надежную страховку. Когда нет монолитной скалы, некуда забить и крюк, которому бы ты доверил свою жизнь...»

ВОТ КАК ЭКИПИРОВАН СОВРЕМЕННЫЙ АЛЬПИНИСТ

ОБУВЬ

Ее можно сравнить с термосом. Двойные ботинки. Наружный ботинок из кожи с прочной рифленой подошвой. Внутренний ботинок утеплен пухом или шерстью.

Специальные сапоги для работы в нижних промежуточных лагерях. Снегозащитные гетры. меховые носки — унты.

ОДЕЖДА

Напоминает слоеный пирог. Шерстяное белье, свитер, пуховый костюм, ветрозащитная куртка — анорака из каландрированного капрона. Пуховые ветрозащитные брюки «самосбросы»: их можно снять и надеть, не снимая обуви с кошками...

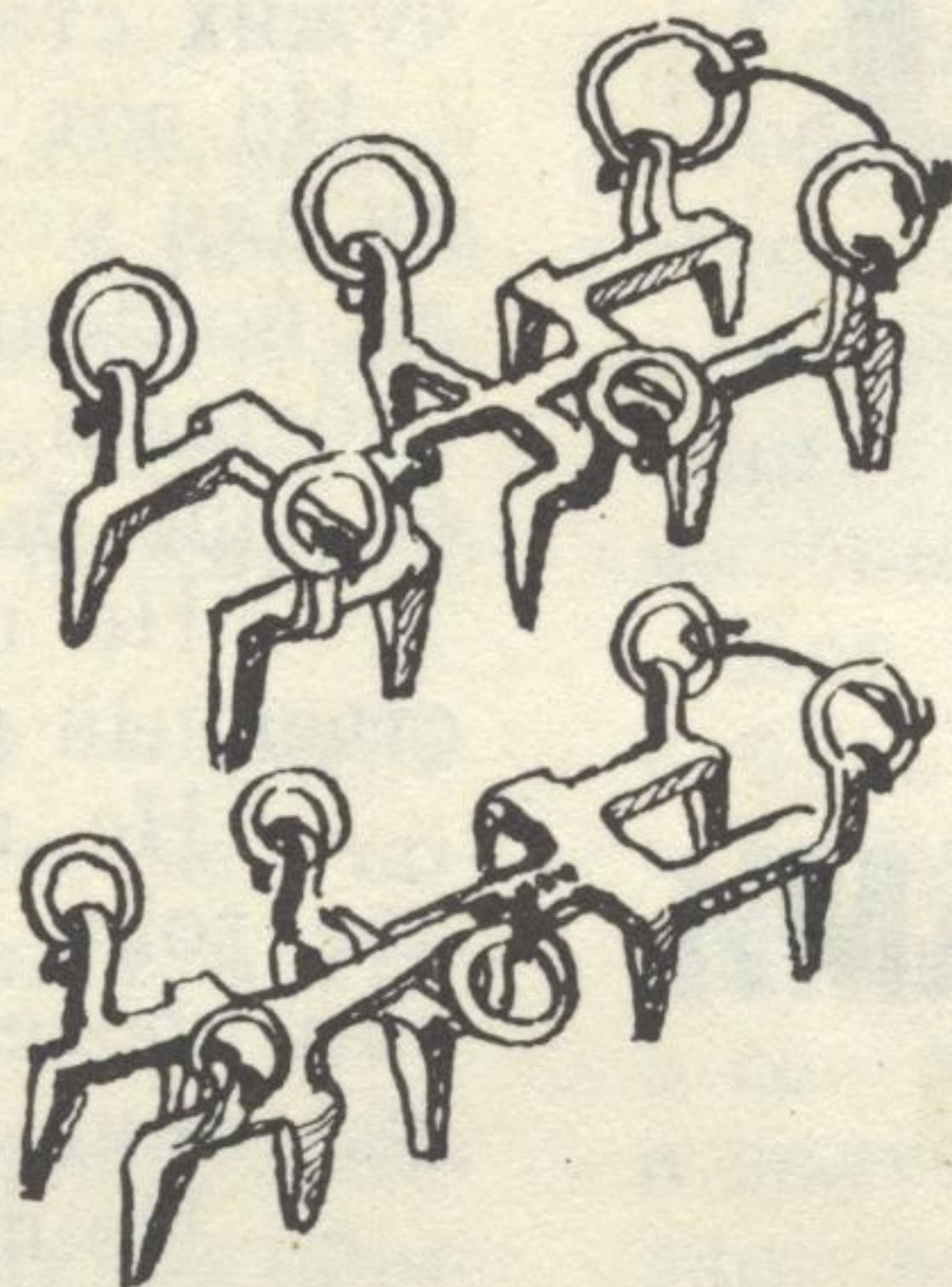
Руки согревают несколько пар рукавиц и перчаток: шерстяные, пуховые, шелковые и ветрозащитные...

Голову защищает от ветра и мороза шерстяная шапка, каска. На лице шерстяная маска, на глазах — очки с темными фильтрами...

Окончание следует.

КОШКИ

Надежный помощник при подъеме по обледенелым склонам. Кошки надеваются на верхний ботинок и своими острыми зубьями врезаются в лед, создавая надежную опору.

ЛЕДОВЫЕ И СКАЛЬНЫЕ КРЮЧЬЯ

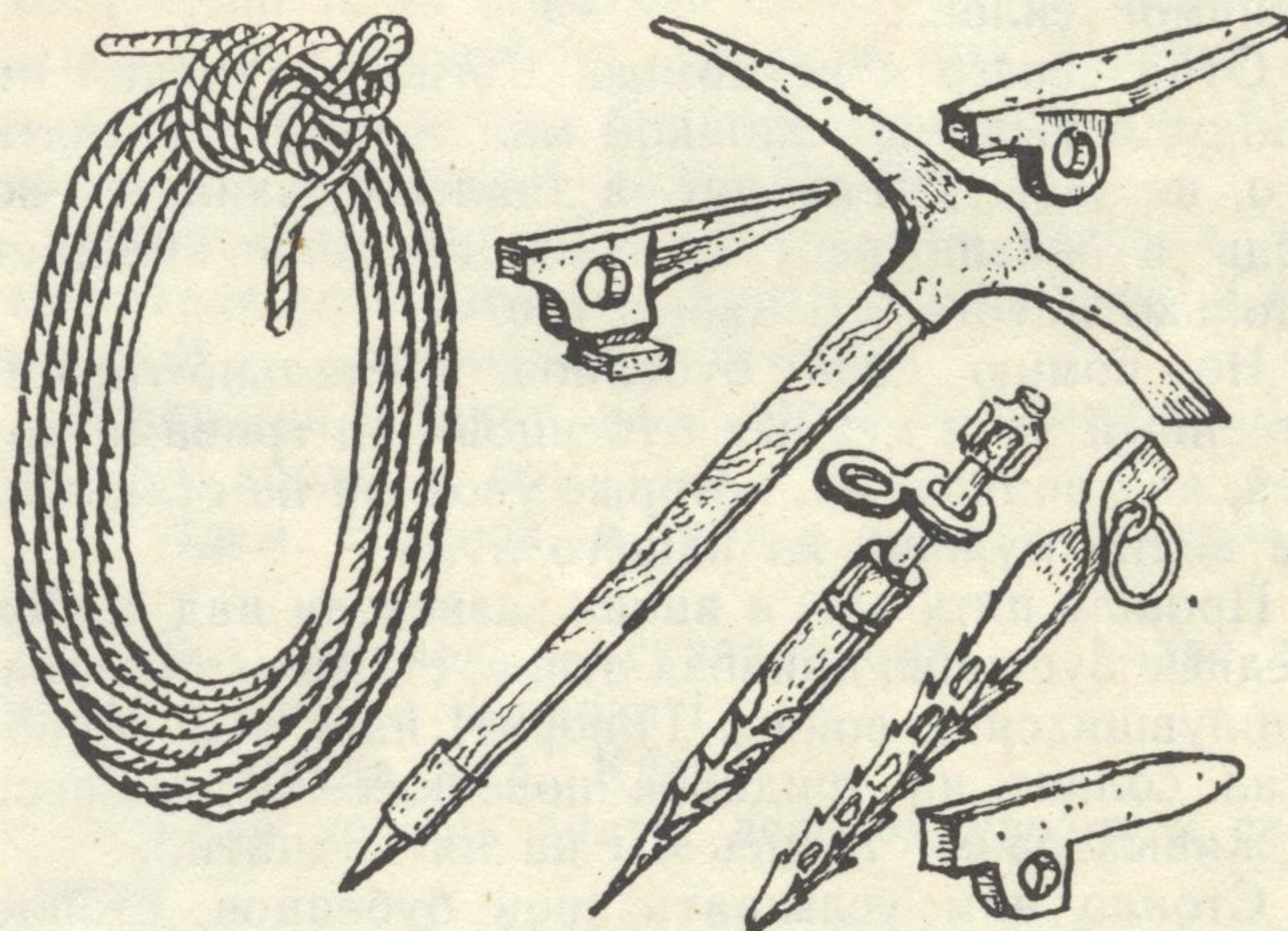
По ним можно проследить пройденный путь к вершине. Они, вбитые в скальные трещины и ледовые склоны, служат для страховки и помогают подниматься по вертикальным участкам.

ЛЕДОРУБ — НАДЕЖНЫЙ ДРУГ

Он прокладывает путь по ледовым склонам, рисуя кружева из следов. Он верный помощник в минуту опасности. Он надежная точка опоры.

ВЕРЕВКА

Прочность альпинистской веревки определяется не тысячами сплетенных воедино капроновых нитей, а дружбой и верностью покорителей гор.

КОВЕР

Сергей МАХОТИН

Витька игры двора
Забывает.
Витька пыль из ковра
Выбивает.

Целый час он стучит,
Целый час он молчит,
И обида его распирает.

Ведь считалось,
Что он заводила
Двора,
Но давно это было —
Еще до ковра.

*И зачем его только купили,
Весь распухший от скуки и пыли!*

Мы с ребятами Витьке
Поможем.
Мы ковер на площадке
Разложим
И начнем, так и быть,
Его палками бить,
Напылив удивленным проходим.

А потом мы чихнем,
С облегченьем вздохнем
И, довольные, скажем:
— Ура!
Хорошо, что сейчас
Нет у многих из нас
Дорогого
Такого
Ковра!

УЗДЕЧКА С МЕДНЫМИ БУБЕНЦАМИ

РАССКАЗ

Фарит ИСАНГУЛОВ

Звон бубенцов, подвешенных к дугам нетерпеливых коней, действует на мою душу с неизъяснимой силой.

Отца своего я не помню. Когда он уходил на войну, я был еще слишком мал, чтобы запомнить его, не забыть. Говорят, я знал его, узнавал, но ведь в жизни ребенка каждый день вмещает столько нового... Я забыл его.

Но помню звон бубенцов. Печально-торжественный звон медных бубенцов над гривами коней, над подводами, которые увозили на станцию, на войну мужчин из нашего аула.

Прошло пять лет, и вновь зазвенели над аулом медные бубенцы, привозя отцов, старших братьев, вернувшихся с войны. Говорят, наш аул провожал солдат на тридцати повозках. Оставшиеся в живых разместились бы на пятнадцати...

Стоило нам услышать звон бубенцов, стоило нам увидеть, как уезжают из аула на станцию повозки, как мы мчались, не жалея ног, и терпеливо ждали на краю аула, вслушиваясь, всматриваясь в даль, в дорогу. И стоило лишь отдаленным, еле слышным эхом, слабой трелью жаворонка прозвучать где-то далеко-далеко бубенчикам, как мы неслись вперед, не видя белого света. Мелькают черные пятки мальчишек, разлетаются по ветру хилые косички девчонок, охая и причитая, спешат за ними старухи, еле передвигая корявые ноги... Я плачу на бегу и не могу остановиться.

И позавчерашние повозки не привезли моего отца. И вчера его не было. Вот и сегодня едут совсем-совсем другие, а моего отца нет. «Эх, папка, папочка, неужели ни на одной из этих телег не нашлось для тебя места...» Понуро свесив голову, в стороне от всех, возвращаюсь я в аул. Впрочем, я не один такой...

— Плакса, плакса! Лопухий! — дразнил меня лупоглазый Шагали. Ему хорошо, отец не уходил на войну. Вчера, живой и невредимый, вернулся с фронта старший брат...

— Плакса, плакса! Лопухий! — дразнили меня дружки Шагали.

Чтобы не видеть их, я с утра ушел на берег реки и там плакал. Была бы мама, она бы не дала меня в обиду. Если б не надорвалась она, грузя на подводы мешки с семенным зерном... Если б была она, может быть, не так разрывали бы мне душу малиновые звоны бубенцов под дугами коней, привозящих домой чужих отцов и чужих старших братьев...

Но вот прошли и эти дни, дни радости и печали для меня, для многих наших аульчан. Приехали последние фронтовики, умолк звон последних бубенцов на разукрашенных телегах, и ждать больше было некого.

— Не плачь, — сказала мне бабушка, единственный родной мне человек, оставшийся в ауле.

— Не плачь! — сказал мне кузнец Ситдик, два года назад вернувшийся домой на деревянном протезе. — Не плачь, — сказал он и погладил меня по голове.

— Не плачь, Фиргат! — сказала мне его младшая дочь Нафиса, моя ровесница, и участливо заглянула мне в глаза.

— Нет, я не плачу, Нафиса! — стал оправдываться я.

— Вона-вон! Полетели пташки! — дурашливо шумел дедушка Исанбай, пытаюсь развеселить меня своей нелепой шуткой, и сам же первым смеялся.

Я тоже смеялся, чтобы ему было приятно.

И вот в этот момент я и услышал звон бубенцов. Радостный, нетерпеливый. Не помня себя, выскочил на улицу, но никаких подвод, никаких лошадей, никаких мужчин, вернувшихся с войны, там не было... Это лупоглазый Шагали впрягся в маленькую тележку, купленную на базаре, и несясь вдоль по улице, по-лошадиному ржал и взбрыкивал на бегу. В разукрашенной тележке сидел его маленький братишка, а на самом Шагали была надета уздечка с маленькими бубенчиками, издававшими этот радостный звон.

Позабыв обо всем, я бросился вслед за ними. А догнал — только вымолвил: «Ах!» — и застыл на месте. Только тут я разглядел, какая это была уздечка. Свитая из разноцветных шелковых нитей, с шелковыми же кистями, летящими на ветру, с маленькими, невиданной красоты бубенчиками. У нас в ауле ни у кого и никогда не было такой уздечки! Наверно, такими уздечками играли только сыновья немецких баев: ведь брат Шагали привез ее оттуда, с фронта.

— И-и-ха-ха! — ржет, переходя то в рысь, то в галоп, лупоглазый Шагали.

— Н-но, н-но! — покрикивает его братишка, дергая поводья, и заливается счастливым смехом.

— Надень и на меня!

— Я тоже хочу быть конем!

— Впряги и меня! — умоляют лупоглазого Шагали мальчишки, кое-как поспевающие за ним.

Шагали останавливается, переводя счастливого дыхание, и смотрит на всех с видом хозяина.

— Что дадите, если впрягу?

Мальчишки задумываются, шарят по карма-

нам, расходятся по домам и несут Шагали все свои припрятанные богатства. Шагали деловито собирает дань: жестяная ручка без наконечника, старинная медная монетка, кнопка, оторванная от киноафиши, рогатка, один погон, зеленая звездочка.... Братишка Шагали жует творожную ватрушку — тоже дань...

— Мне тоже... — невольно говорю я, искательно заглядывая в глаза Шагали.

— Еще чего! — небрежно говорит он. — Ты то чем платить будешь?

— Я тебе с обеда пирожок принесу...

— Сам жри свои пироги из гнилой картошки!

Тогда я вспоминаю о своем умении: я первый мастер среди аульных мальчишек по плетению разных разностей из молодого гибкого камыша.

— Хочешь, я сплету тебе из камыша пожарную каланчу?

— А она через два дня рассохнется? — смеется Шагали и надевает уздечку на того, чей подарок ему пришелся по душе. Я отхожу в сторону.

Но вот глаза Шагали падают на Нафису, стоящую, как и я, в стороне от счастливых мальчишек, ждущих своей очереди.

— Иди сюда, Нафиса. Я тебя за просто так покатаю.

Соблазн слишком велик: Нафиса забирается в тележку, и Шагали со ржанием мчит ее вдоль по улице. Непонятная злость вспыхивает во мне. «Ладно, — думаю я. — Тогда пусть этот лупоглазый Шагали плетет тебе и пожарные каланчи, и другие разности». Я заставляю себя не бежать вместе со всеми за тележкой и застываю на месте, как камень.

Но, проехав три дома, Нафиса останавливает Шагали, выпрыгивает из тележки и подходит ко мне. «Не сердись, Фиргат», — говорят ее виноватые глаза. И обида моя улечивается.

— Пойдем, Нафиса, я сделаю тебе пожарную вышку!

— Зачем? Ведь ты уже сделал мне две такие вышки.

— Пойдем. Я нырну в самом глубоком месте и достану тебе самую красивую ракушку!

— Не надо, — говорит Нафиса. — Ты ныряешь и так долго не выныриваешь, что мне страшно...

Мне нравится, что она боится за меня, нравится, что она заставляет себя долго упрашивать.

— Пойдем, Нафиса, я нарисую тебе на песке лошадь из разноцветных камней.

— Пойдем... — говорит она.

Мы уходим на берег реки, и я долго и старательно выкладываю на песке силуэт большой и красивой лошади. Потом мы возвращаемся в аул, и первое, что я слышу: сенгел-сенгел... сенсен... селтер-селтер... селт-селт...

Это носится по улицам Шагали, окруженный аульными мальчишками. Звенят бубенчики, развеваются шелковые кисти...

Утром я проснулся в слезах.

— Что с тобой? — спросила бабушка.

— Что с тобой, джигит? — спросил пришедший к нам в гости дедушка Исанбай, первый

мастер по плетению лаптей. Он и меня научил плести...

— Папа... — сказал я. — Папа приехал и привез мне уздечку с медными бубенцами...

Бабушка промолчала. А дедушка Исанбай поднял меня, поставил на ноги и решительно сказал:

— Идем!

Он привел меня к себе и дал мне пучок голубовато-прозрачных лент — это было свежее лыко. Потом бабушка подарила мне два маленьких бумажных мешочка с красками, а Нафиса принесла из дома два маленьких, как ее кулачки, клубочка разноцветных шерстяных ниток. Отец Нафисы, кузнец Ситдик, принес две пригоршни блестящих медных гильз от автомата, а заведующий фермой Галлям-агай одарил меня горстью маленьких свинцовых дробинок...

Вот в какого богача превратился я за какой-нибудь час!

Бабушка выкрасила тонкие ленты лыка в разные цвета, и мы его высушили. А уж вить-то я и сам мастер. Сплетаю я четыре ленточки в одну, и получается у меня пестрый, радужный жгутик — здорово! Когда сплели мы, из него уздечку, я побежал в кузницу. Дядя Ситдик разрезал каждую гильзу надвое и внутрь на тонкой проволочке подвесил по свинцовому шарiku — бубенчики хоть куда! А из обрезков гильз мы сделали маленькие заклепочки и украсили ими уздечку. А разноцветные нитки, подаренные Нафисой, превратились в пышные радужные кисти.

Засверкала жаркой латувью моя уздечка, затрепетали разноцветные кисти. Сенгел-сен! Сенгел-сен! — заговорили бубенчики.

Я впрягся в тачку, на которой бабушка возила из лесу дрова, и помчался к Нафисе:

— Идем, Нафиса, я тебя с фронта привозить буду!

— Вот дурачок, — сказала она, — разве девочек с фронта привозят!

— А откуда же?.. Куда?

— Если хочешь знать, девочек увозят к себе домой.

— Так давай, Нафиса, я увезу тебя к себе домой!

— Вот дурачок, ты же еще маленький!

Я не обиделся и предложил просто покататься по аулу, на зависть лупоглазому Шагали. Нафиса уселась в тележку и дернула поводья:

— Н-но, проворный!

И понесся я по улице, мотая головой и издавая пронзительное ржанье. И все аульные мальчишки помчались за нами, крича, размахивая руками, поднимая пыль.

— Впрягайтесь все, катайте всех девчонок по очереди, мне ничего от вас не надо! — кричал я, и душа моя ликовала.

И вот через несколько дней уже не я один, а пять мальчишек из нашего аула носились по улицам, как аргамаки, в разноцветных уздечках с медными бубенцами. И перед этим нехитрым делом рук деревенских умельцев померкла трофейная уздечка Шагали, и за звоном наших бубенцов из медных гильз совсем не слышно стало звона его иноземных колокольчиков.

ПАТРУЛЬ НА САМСЕНТХАЕ

Тревожно живет сегодня Лаос.

Днем и ночью не прекращаются провокации. Недобитые контрреволюционеры по горным тропам, через джунгли проникают в страну, чтобы помешать народу строить новую жизнь. Трудящиеся Лаоса решительно борются с врагами. В этой борьбе им помогают пионеры.

...Быстро опускаются сумерки на Самсентхай — одну из улиц Вьентьяна. Одинокими свечками зажглись фонари на столбах, засветились лампочки в окнах домов и у магазинных вывесок.

Сумерки нагоняют прохладу, и Самсентхай заполняется прохожими. Как всякая другая улица Вьентьяна, Самсентхай многолюдна дважды в сутки. Утром, когда горожане спешат на работу, и вечером, когда спадает жара и жители выходят погулять, навестить родственников или просто подышать свежим воздухом. В этот вечерний час выходят на дежурство пионерские патрули.

Вообще-то в патруле есть один взрослый. Его направляют в помощь ребятам из районного отделения народной милиции. Но все равно такие патрули называют здесь пионерскими.

В каждом патруле пять мальчиков.

Медленно идет «пятерка» по Самсентхаю. Жители узнают патруль, приветливо здороваются с пионерами.

— Здравствуй, Сомсук!

— Здравствуй, дедушка Сатхиан!

— Опять дежуришь?

— Да, дедушка.

— Угощайся орехами. Жареные.

С маленькой скамеечки, от стены длинного одноэтажного здания — швейной мастерской — поднимается старичок в соломенной шляпе, с седой, «клином», бородкой и протягивает одному из ребят кулек.

— И товарищей своих угости, Сомсук. Вкусные у меня получились сегодня орехи...

Сомсуку тринадцать лет. Вот уже год он патрулирует на Самсентхае. Живет Сомсук на другом конце города, но этот район изучил так, что жителей узнает не только по лицам — имена может назвать.

Сомсуку нравится ходить в патруле. Правда,

жаль, что им, мальчишкам, не выдают оружия. С оружием веселее. Настоящий был бы патруль, боевой. Но, с другой стороны, с винтовкой через плечо труднее распознавать врага. Всяких там клеветников, подстрекателей... Они трусливы и, завидев вооруженных людей, разбегаются как тараканы.

У лавки зеленщика под развесистым тиковым деревом плачет девочка. Маленькая, лет трех.

— Ты чья? Где твоя мама?

Девочка не отвечает, еще сильнее принимается плакать.

— Это, кажется, Кеу, дочь медсестры из госпиталя... той, что возле пагоды живет, — нерешительно замечает кто-то из ребят.

Сомсук вспомнил, что однажды возле пагоды он видел девочку, похожую на эту.

— Я отведу ее к матери, а потом вас догоню, — говорит Сомсук и берет девочку за руку.

Девочка и в самом деле оказалась дочерью медсестры.

— Как она убежала?! Вот только сейчас была здесь... — сокрушается женщина. — Спасибо тебе, мальчик...

А Сомсук уже на улице, бежит вдогонку товарищам.

В переулке у книжной лавки собралась толпа. Пронзительной трелью заливается свисток. «Держите! Держите его! Гадина!..» — перекрывая свисток, раздалось несколько голосов.

В тот же миг навстречу Сомсуку выскочил мужчина в розовой рубашке с короткими рукавами. Он мчался прямо на мальчика, а в спину незнакомца неслись крики и трель свистка.

Не добегая до Сомсука, мужчина в розовой рубашке резко свернул на противоположную сторону улицы, к черному провалу проезда.

«Уйдет!» — со страхом подумал Сомсук и ринулся в погоню.

Бегал Сомсук быстро, и скоро ему удалось настичь мужчину. Но вот как его остановить? Мужчина мчался как разъяренный слон. К тому же незнакомец может быть вооружен...

Сомсук поднажал, чуть опередил мужчину и со всего хода бросился ему под ноги...

Незнакомца задержали. Он оказался вражеским лазутчиком. На Самсентхае разбрасывал клеветнические листовки.

После столкновения с лазутчиком Сомсуку пришлось неделю провести в госпитале. Не очень-то просто падать с маху на асфальт. Не каждый решится.

Сомсук решился. Ведь ему доверили охранять покой и безопасность соотечественников. Что может быть почетнее и ответственнее этого поручения?

Во многих городах и селениях Лаоса действуют пионерские патрули. С помощью ребят народная полиция сумела обезвредить диверсантов, пробравшихся на площадь Тхат Луанг во время празднования Дня революции 2-го декабря. Вьентьянские пионеры с улицы Луангпрабанг помогли органам безопасности напасть на след целой контрреволюционной банды. Агентов иностранной разведки выследили пионеры провинции Фонгсали...

Каждый вечер ровно в пять на улицах появляются «пятерки» мальчишек. Пионерские патрули начинают дежурство.

Виктор РЫБИН
Рисунки Н. Котляревского

МЫ СМОТРИМ В МИР

Фотография, на которой симпатичный кот, сделана в Англии, в городе Гулле. Что же это за фотография? Оказывается, — реклама консервов для... котов.

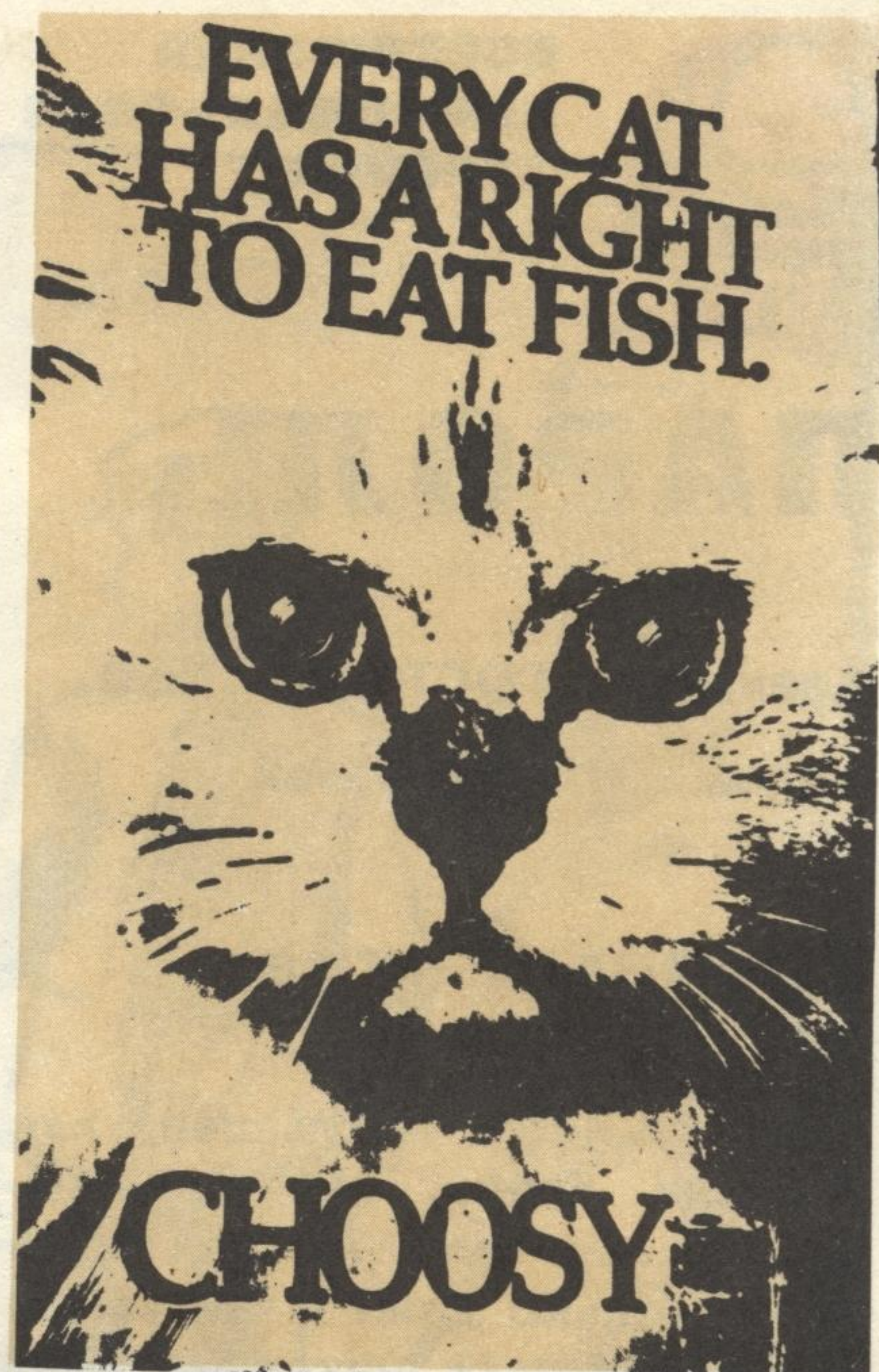
Англичане ведь очень любят животных. В богатых семьях держат и ангорских кошечек и шотландских овчарок и даже пони — маленьких лошадок. Животных холят, водят гулять и очень хорошо кормят. Для счастливых котов, собачек благородного происхождения и лошадей чистых кровей — готовят всевозможную пищу и даже консервы — витаминизированные, мясные, рыбные, калорийные...

На рекламе консервов для котов написано: «Каждый кот имеет право скушать рыбку». Вот это забота о животных!

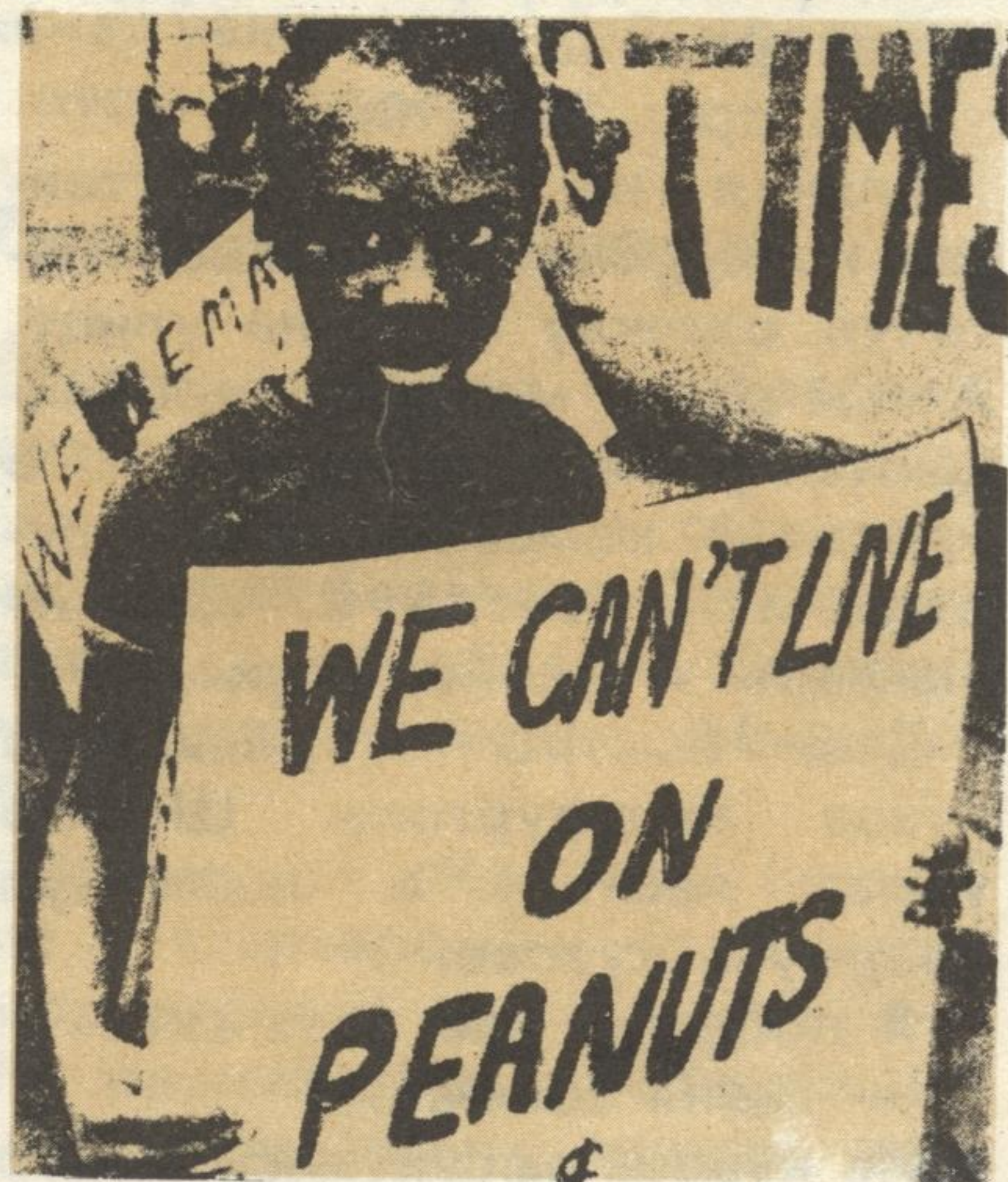
Остальные фотографии сделаны в других капиталистических странах. На фотографиях дети. Их родителям не до ангорских кошек и пони. Впрочем, смотрите сами...

«Мой папа уволен», — надпись на плакате французской девочки.

«Нам нужны детские сады, нужна забота», — написано на плакате, который держит маленький житель Нью-Йорка.

А это — негритянская девочка из Соединенных Штатов Америки. Ее плакат напоминает взрослым: детям нужно хорошо есть каждый день.

**ВСЕСОЮЗНАЯ
КОМСОМОЛЬСКАЯ
СТРОЙКА**

ПАРОЛЬ

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

Рисунок Н. Куликовой

Ударный отряд наступает

Сквозь сон я слышал, как хлопали двери, топали ноги, потом заурчали машины. Но за несколько дней я так устал, что проснуться никак не мог.

Кто-то постучал в окно и строго произнес:

— Пора...

Я с трудом разодрал глаза. За окном — никого, только на раме сидела ворона и поглядывала на рассыпанное на столе печенье.

Распахнул окно. Ворона прыгнула на стол, посмотрела на меня блестящим, как икринка, глазом и, слегка картавя, произнесла:

— Проспишь...

От изумления шлепнулся на койку. Я знал, что в отряде живет ручная ворона, но чтобы такие таланты!..

Ворона положила одну печенину на другую и сердито предупредила:

— Пора... проспишь...

Глянул на часы: действительно проспал! С треском натянул одежду — и на улицу. А там режут моторы, переключаются ребята из Всесоюзного ударного комсомольского отряда XIX съезда ВЛКСМ — шоферы и мелиораторы.

Они быстро забрались в кузов автофургона. Шофер убрал лесенку и захлопнул дверцу в кузове.

Я побежал изо всех сил:

— Меня возьмите!

Из кузова высунулись чьи-то руки, подхватили и втащили меня уже на ходу.

Скользя по глине и завывая мотором, машина выползла на дорогу. И резво повезла нас, делая короткие остановки. Первым вылез командир отряда с несколькими ребятами, они пошли в цех делать бетонные плиты для дренажных канав. Потом попрыгали девушки — убирать коряги с раскорчеванного участка.

Сзади тронули за плечо:

— Не заробеее под землей поработать?

Обернулся. Аня Петрова насмешливо смотрела на меня. Ребята оглянулись — не испугаюсь ли?

Машина пришла в поле. Мы выпрыгнули вдвоем. По тропинке спустились в болотистую, торфяную низину, над которой еще плыли клочья предутреннего тумана. От земли тянуло сыростью и гнилью. Всюду торчали пни, коряги, корни, обломки стволов. Эта низинка называлась — объект Мостицы. Осушать ее трудно — пни мешают, а выкорчевывать не удается — трактора тонут.

Ночью прошел дождь, торфяник насытился водой и стал похож на кисель.

— Осторожно, — предупредила Аня. — Нам говорили, что если сюда забредала корова, то назад она уже не возвращалась, пропадала в трясины.

Когда развеялся туман, я увидел машины с задранными гусеницами. Оказалось, что еще вчера вечером провалился в трясины канавокопатель. Бульдозер пошел вытаскивать — и тоже застрял.

Вокруг тракторов сидели мелиораторы и словно чего-то ждали, вслушиваясь в болотную тишину.

Я тоже насторожился и услышал, как поют комары.

Но вот люди повернули головы. Из-за горы выполз бульдозер. Бригада поднялась и, подбирая по пути коряги, пошла к нему навстречу. Он ехал медленно, вдавливая пни в жижу. Иногда рвал дерновый покров и кренился набок. Тогда рывком давал назад. Под-

бегали рабочие и забрасывали опасное место корягами, корнями, бревнами.

Бульдозер длинным тросом зацепил застрявшую машину и с ревом потащил, вышвыривая из-под гусениц бревно. Болото гулко чавкнуло и отпустило машину.

Теперь, в связке, идя след в след, оба бульдозера подобрались к канавокопателю и высвободили его.

Бригадир стал смотреть в нивелир, Аня туго натянула на прочных упорах стальную проволоку вдоль будущей канавы. Я тоже посмотрел в нивелир и увидел, что проволока натянута с небольшим уклоном. Канавокопатель чутким щупом взялся за эту проволоку. По ней он автоматически определит глубину канавы и с точностью до сантиметра даст ей нужный уклон.

Ковши, укрепленные на подвижной ленте, вгрызались в землю. Транспортер отбрасывал ее в сторону. И вот уже образовалась канава глубиной в метр, полтора, два...

— Сейчас будет врезка, — предупредила Аня. — Самое интересное. К магистральной трубе подсоединят начало той, что станем укладывать мы.

В канаву прыгнул самый опытный рабочий. Железным щупом стал ударять в землю. Наконец глухо звякнуло.

— Нашел!

Лопатой начал снимать синюю глину. Под синей оказался слой белой глины. Белая была как липучка. Ее приходилось соскабливать о край канавы. Рабочий раскопал пролегшую на глубине трубу. Остреньким молоточком часто застучал по ней, как дятел. Прорубил ровную дырочку, сверху приладил другую трубку, первое звено той трубы, для которой мы готовились копать канаву. Чтобы трубки не разошлись, укрепил их еловыми колышками, глиняным замком и закутал стеклотканью.

Взвыл канавокопатель и потянул узкую глубокую щель. Там, в глубине, у самого dna канавы, ловко работала Аня. Потом я сменил ее.

Окончание.

См. «Костер» № 1, 1983 г.

В узкой щели было сумрачно и дышалось тяжело. Плечи сжимали два стальных листа, ползущих по краям щели и охраняющих человека. Между ними у самой земли низенькое сиденье. Прорываясь сквозь землю и корни, тряслись стальные листы, тряся с ними и я.

По желобу сверху Аня спускала обожженные, из красной глины, трубки. Их надо уложить быстро и ровно — стык в стык. Это нужно делать одной рукой, потому что другой катишь рулон стеклоткани и укрываешь трубки.

Сиденье постоянно уползало из-под меня. Следом с шумом рушилась земля, и я боялся, как бы и меня не засыпало. С непривычки я быстро устал.

— Нельзя машину задерживать, — крикнула сверху Аня, и меня разом выдернули из канавы.

Когда трубки были уложены и бульдозер заровнял землю, Аня подвела меня к концу большой магистральной трубы. Из нее потекла мутная вода, но струйка быстро светлела и скоро стала чистой.

— Хоть пей, — улыбнулась Аня.

Сильно парило, и все с опаской поглядывали на небо. Духота не обманула — хлынул проливной дождь.

У края дороги взвизгнула тормозами легковая машина. Из нее вышел начальник мехколонны и стал оглядывать горизонт, пытаюсь определить — есть ли надежда на ветерок, который сможет разогнать тучи. Модные светлые ботинки начальника быстро потемнели и приобрели оттенок лежащей у дороги красной глины. Вероятно это помогло ему принять окончательное решение. Он взял трубку радиотелефона и приказал диспетчеру отозвать с полей всех мелиораторов.

Вплотную мы забились в машину начальника и поехали в поселок.

Вскоре догнали высокого человека в непромокаемой куртке и болотных сапогах. Это был совхозный гидротехник Кузнецов. Он шагал широко, быстро — делал ежедневный

осмотр дренажной системы. Я решил, что сильнее мой плащ все равно намочнуть не может, вышел из машины и направился вслед за гидротехником.

На пастбище трава — по пояс. Под ней в земле были уложены трубы, а сверху, — как подосиновики с красными головками, — стояли специальные водяные краны — гидранты. К ним подключалась поливочная машина «Днепр».

Поливочная машина напоминала легкий самолет с высоко поднятыми трубками вместо крыльев. Я насчитал одиннадцать машин, стоящих в ряд.

— Землю осушаем, чтобы весной и осенью можно было въехать на поле. Но если землю осушили, чтобы получить урожай, надо ее и поливать, — сказал Кузнецов. — К тому же у нас каждый четвертый год засушливый.

Мы осмотрели будущую плотину, которая перегородит речку, будущее водохранилище, насосную станцию... Торопясь за Кузнецовым, я не рас-

считал своих сил и, прыгая через канаву, упал с плеском.

Когда я вернулся в поселок, в моей комнате жаром дышала печь. На столе, нахохлившись, сидела ворона. Аня кормила ее печеньем. Наклонив голову набок, ворона посмотрела на меня, увидела, какой мокрый, и отошла подальше.

Ученик Мастера

Утром машины пробовали голоса.

С лязгом завелся старенький, мятый бензовоз. Задышал тяжело, с перебоями. Подвывая, медленно начал набирать обороты.

Новенький «КамАЗ» щелкнул стартером, вздохнул, застрекотал.

У оранжевого с лебединой шейей экскаватора пускач затрещал словно пулемет. Частые выстрелы перешли в звонкий рев и: «Бух... Бух-х... Бух-х...» — задышал мощный дизель.

Заглушая всех, густым басом взревел трактор «Кировец».

Я выходил из поселка белорусских мелиораторов. Около бетонной дорожки, окаймляющей поселок, передо мной вдруг выросла длинная фигура:

— Пароль!

Я отпрянул. У парнишки было лицо отличника, который всегда сидит на первой парте и тянет руку. А вот рука, которую он приставил к моей груди, испачканная графитом и действительно похожая на пистолет, была уже крепкой рукой мастера.

— Пароль, — старательно объяснил мне парнишка: — «Даешь совхоз „Белорусский“!» Чтобы любой увидел и ахнул: Это ж надо — такую красоту белорусы под Псковом построили!

— Ты чей? — спросил я.

Парнишка нагнулся к моему уху, шепнул:

— Ученик Мастера! — захохотал и затерялся среди «КамАЗов», бульдозеров, ремонтных машин, оставив мне улыбку и темное пятно на рубашке.

Опробовав голоса, машины одна за другой подымались на дамбу и исчезали за ней, словно проваливались.

Я отправился за машинами.

В поле, среди ромашек строилась дамба. Здесь заплещется совхозный пруд, на холме за ним подыметя поселок, вокруг покроются сочной зеленью поливные луга, и по вечерам сытые стада будут медленно возвращаться отсюда к тщательно выбеленным фермам.

На причале стоял начальник участка Александр Петрович, который привез из-под Минска людей, машины и руководил постройкой дамбы. Он посмотрел строго и, не дожидаясь вопроса, я выпалил:

— Пароль — «Даешь совхоз „Белорусский“!»

Александр Петрович улыбнулся. Он размышлял, как побыстрее достроить дамбу. Видно было, что он что-то задумал.

К нам подошли два экскаваторщика. Александр Петрович посмотрел на них и заявил:

— Вы работаете плохо!

Я оторопел, потому что знал — сюда присланы лучшие экскаваторщики, у всех самые высокие — шестые разряды.

— Как? — вскипели обиженные экскаваторщики.

— Анатолий Иванов лучше вас работает, — пояснил мастер.

— Мы не хуже! — хором пробасили экскаваторщики.

Александр Петрович достал из кармана секундомер.

— Кто пойдет на испытания?

На дне будущего озера работало несколько экскаваторов с кубовыми ковшами. Каждый в карьере черпал песок и нагружал «КамАЗы». Этот песок везли на дамбу. На сколько дамба выростала в сутки и будет ли она готова к осени — полностью зависело от умения и энергии экскаваторщиков.

На первый взгляд, Иванов работал неторопливо, даже сонно. Длинным, медленным гребком наполнял ковш песком. Неторопливо разворачивался, одновременно подымая стрелу и, пронеся ковш над самым бортом, едва не задев его, плавно рассыпал песок по кузову. Снова поворот, и все сначала. Мне даже как-то противно стало от его медлительности.

Но экскаваторщик вырвал секундомер у начальника, и руки его слегка вздрагивали.

Постепенно и я уловил разницу. Соперник Иванова, который знал, что мы засекаем время, старался изо всех сил, наполнял ковш за два-три гребка. Ковш поднимал сначала вверх, а потом проносил высоко над бортом, и ему приходилось опускать ковш вниз, чтобы с высоты не бросать сырой песок в кузов и не портить машину.

В котловане работало много машин, крутилась постоянная карусель, но секундомер четко определил: от экскаватора Иванова они отъезжают почти в два раза быстрее.

Экскаваторщик отдал секундомер начальнику:

— Невероятно...

К нам прибежал второй экскаваторщик, на рубашке его темнели пятна пота:

— Ну как?

Его товарищ растерянно махнул рукой:

— Почти в два раза.

— Не может быть! — ахнул тот. Схватил секундомер и впился в него глазами.

Он был так поражен, что своей огромной, как лопата, ладонью едва не раздавил секундомер.

Экскаваторщики растерянно посмотрели на начальника. Тот развел руками:

— Собственно это всё, что я хотел вам сказать.

Но тут произошла неожиданность. От городка мелиораторов к нам шел... сам Анатолий Иванов!

От изумления на висках начальника участка появились прозрачные горошинки пота. Он оглянулся на работающий экскаватор:

— А... а... в машине у тебя кто?

— Комсомолец, ученик... Что-нибудь случилось?

Начальник участка призывно помахал рукой. Опустилось блестящее на солнце стекло, из кабины выглянул долговзый паренек. Я сразу узнал его — это он подарил мне пароль. К экскаватору подъехал самосвал, и теперь уже на глазах у всех парнишка нагрузил его изящно и скоро, как мог сделать только большой Мастер.

Экскаваторщики посмотрели друг на друга, и не говоря ни слова, сначала пошли, потом побежали к своим машинам.

Иванов заторопился за ними:

— Да в чем дело, ребята?

Начальник участка сел на дамбу, вытер виски.

— Видал? Рассвирепели... Теперь начнется!

И уже без секундомера было заметно, что в котловане быстрее забегали самосвалы, едва успевая отвозить песок от экскаваторов, прибавил скорости бульдозер, равняя и уминая землю, и метр за метром стала расти дамба.

Главный силач Республики

О жизни выдающегося атлета-силача —
Якубы Чеховского рассказывает его сын —
Даниил Яковлевич Чеховской.

Рассказ комментирует Алексей Михайлович Петров —
заслуженный мастер спорта, рекордсмен мира по тяжелой атлетике.

Сотни людей заворожено следили, как на грудь атлета его помощники ставили многопудовую наковальню, раздували меха, начинали ковать железо. Деловито стучали молотки, весело роились искры. А затем зрители видели поднятые ввысь и огненные от жары только что откованные серп и молот.

Это был номер, который отец посвятил победе революции, и рабочие люди принимали его особенно восторженно.

Но революцию надо было не только славить, но еще и защищать. И Якуба Чеховской стал руководителем спорта Петроградского всевобуча — массовой организации, которая занималась военной подготовкой молодежи.

25 мая 1919 года в Москве, на параде в честь первой

годовщины всевобуча сводный отряд молодых бойцов Петрограда уверенно демонстрировал свою боевую выучку. И вдруг отряд остановился, бойцы совершили быстрое перестроение и все, кто был на Красной площади, увидели живое слово РСФСР.

Рассказывая об этом эпизоде, Яков Авраамович всегда с гордостью говорил: «Все было, как задумал. Ребята меня не подвели. И главное — сам Владимир Ильич Ленин нам тогда аплодировал!»

Не могу утверждать, но, кажется, это был единственный случай, когда отцу посчастливилось увидеть Владимира Ильича. Почему так считаю? Во-первых, он бы обязательно об этом рассказал. Но ни я, ни мой старший брат Николай других таких случаев не помним, хотя память сохранила многие, даже самые незначительные случаи из его жизни. Ну, например такой, как отца «обидели».

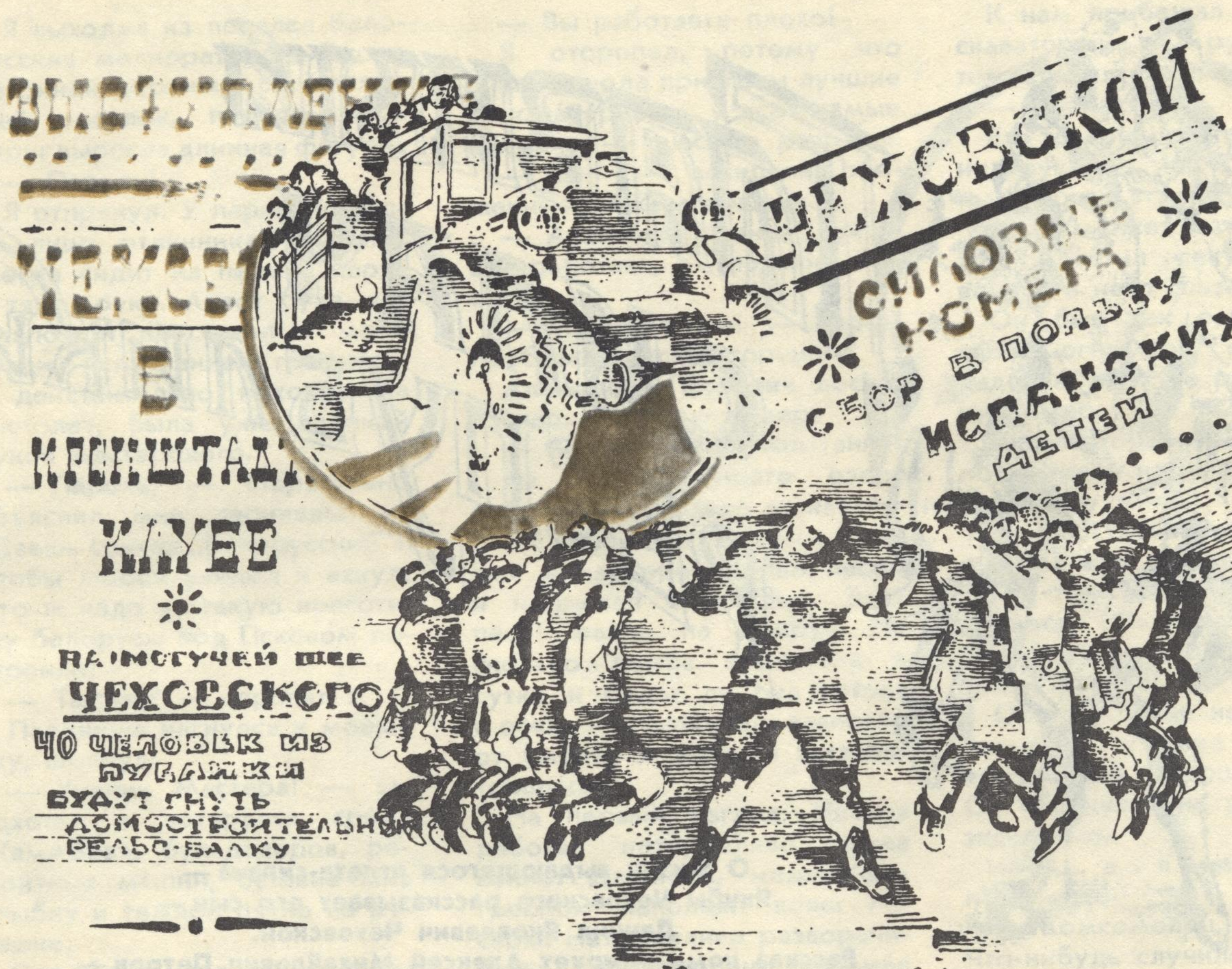
История эта очень смешная. Многие годы отец носил усы. И вот однажды возвращается он домой по Невскому, а какой-то человек, увидя его усы, сказал: «Сразу видно — буржуй!» Для «буржуя», который всю свою жизнь зарабатывал на хлеб своими руками, это было чересчур. Ухватив обидчика за воротник, стал требовать объяснения. Тот отказался. И тогда отец поднял его над землей и сказал: «Не отпущу, пока не извинишься». Собралась толпа. Вызвали милиционера. Но заставить Якова Авраамовича изменить свое решение было невозможно. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы кто-то не крикнул:

— Братцы, какой же это буржуй! Это же — Якуба! Главный силач республики!

Услышав, с кем имеет дело, обидчик сразу же начал просить прощения. Но люди, которые до этого не видели знаменитого силача, а только слы-

Окончание.

Начало см. «Костер» № 1, 1983 г.

КРОНШТАДТ

КЛУБЕ

НАИМОГУЧЕЙ ШЕЕ
ЧЕХОВСКОГО

40 ЧЕЛОВЕК ИЗ
ЛУБАЖКИ
БУДУТ ГНУТЬ
ДОМОСТРОИТЕЛЬНУЮ
РЕЛЬС-БАЛКУ

шали о нем, посчитали, что одного извинения мало. И пришлось Якову Авраамовичу вместе с милиционером защищать его от тумачков и подзатыльников.

В марте 1921 года отца вызвали в Смольный. Вызов был срочный. Вернувшись, он сообщил: «В Кронштадте — мятеж! Сейчас наши полки штурмуют крепость, и к завтрашнему дню все будет кончено. Командующий военным округом просил меня выступить завтра в кронштадтском клубе перед участниками штурма. Я согласился. И теперь должен придумать номер, какого еще не было. Специально для этих героев».

О том, что он придумал, много потом писали и говорили. Номер был действительно необычный.

Выйдя на сцену, атлет велел принести длинную стальную балку. И когда просьба была выполнена, сказал, обращаясь к зрителям: «Сейчас мы ее согнем в дугу, как сгибаем в

дугу всех врагов советской власти».

С этими словами он поднял балку на плечи, и сорок добровольцев повисли на ее концах. Мышцы Якубы окаменели. Казалось, у него три головы — такими буграми обозначились мускулы плеч. Кто крепче — сталь или человек? И сталь не выдержала, заскрипела. И — сначала громовое «Ура!», а затем долгие аплодисменты загремели в матросском клубе. Рельса согнулась, а Якуба с улыбкой стоял и приговаривал: «Так ее, так! Еще гни, еще!»

Этот отцовский номер я потом видел неоднократно. Якуба часто демонстрировал его во время своих выступлений. Мастер силовых трюков, он любил поражать воображение зрителей.

Но, пожалуй, пришла пора рассказать о дружбе отца с моими одноклассниками. К мальчишкам он относился с какой-то особой нежностью

и заботой. Он часто приходил к нам в класс, справлялся, как идет учеба и знал почти всех ребят по именам. А когда нас принимали в пионеры, купил на Кузнечном рынке большую охапку цветов — у него все было огромным — и вручил каждому из нас по букету гвоздик.

«Поздравляю, — гремел в актовом зале школы густой бас Якова Авраамовича. — И надеюсь на вас! Растите сильными и честными, верными своему слову и делу!».

И надо ли говорить, что двери нашей квартиры были для ребят всегда открыты. Он решал наши ребячьи споры, интересовался, какие мы читаем книги и был в курсе всех наших дел.

По воскресеньям он катал нас по городу на автомобиле. Но в машине могло уместиться семь-девять человек, а желающих оказывалось намного больше. И тогда отец говорил: «А вы уж сами решайте, чья

очередь? Все должно быть честь по чести!»

Автомобиль был в те годы большой редкостью, и каждая такая поездка была событием.

Иногда я ревновал отца к своим приятелям. Мне думалось, что он мало обращает на меня внимания и даже придирается.

Однажды я принес из дома в школу чучело крокодила. Мы проходили пресмыкающихся, а в кабинете зоологии такого экспоната не оказалось. Крокодил был двухметровой длины, его можно было потрогать руками и, конечно, он всем очень понравился. И я решил: пусть он остается в школе. Но вскоре мне стало жаль такое сокровище, и я забрал его домой.

После этого отец несколько дней со мной не разговаривал. Затем призвал к себе в кабинет: «Что же получается? Сперва — даришь, потом берешь обратно? Люди подумают: ты — жадина! Понимаешь, что натворил?» Я хотел оправдаться. Напомнил, что взял чучело без спроса. Но отец возвысил голос: «Я уж не говорю о твоём самовольстве! Но глупость глупостью не исправляют! Понял?»

Да, он был справедливым по большому счету. Помню, как в разговоре с Александром Ильичом Егоровым, будущим Маршалом Советского Союза и большим почитателем тяжелой атлетики, отец с горечью говорил: «Вот пишут в газетах, что Иван Максимович Поддубный — непобежденный чемпион! Но Ивана Васильевича Шемякина тоже никто не клал на лопатки! И единственная встреча между ними, сам свидетель, закончилась вничью! Спрашивается, почему забыли Ивана Васильевича? Разве это порядок?»

Шли годы. А феноменальная сила Якова Авраамовича, казалось, не убывала. По-прежнему цирковые афиши приглашали зрителей на его выступления. Как вдруг случилось несчастье.

Во время одного из выступ-

лений атлет сломал ногу. Перелом оказался таким тяжелым, что ходить он смог только через год, да и то с палочкой¹. Все понимали: в цирке ему больше не работать. Вздыхали, сочувствовали, предлагали идти на пенсию — другого выхода не было. В ответ Яков Авраамович только скрипел зубами и до поры до времени помалкивал. А затем настал день, и отец решительно заявил: «Лучше начинать, чем кончать. Можете поздравить: буду начинающим киноактером!» Оказывается, его взяли работать в «Белгоскино», на киностудию.

Хорошо помню, как он увлеченно рассказывал о своей новой работе. «Ну, приехали в Минск. Мы там кинокартину „11-е июля“ снимали. А роль дали маленькую, делать особенно нечего. Я и говорю режиссеру Таричу: „Юрий Викторович, давайте шефское выступление на стадионе устроим. Сбор — в пользу испанских детей. Каждый из съемочной группы — со своими номерами. А у меня — силовые; решил пропустить через себя грузовики с народом“. Тарич согласился. И в назна-

¹ Случай, о котором упоминает Даниил Яковлевич, произошел во время выступления его отца в Измайловском саду Ленинграда. Дело было так. Когда атлет выполнял силовой номер, рухнули доски сцены. И здесь я бы хотел обратить внимание читателей на два важных обстоятельства. Во-первых, травмы могло не быть, если бы атлет в этот момент сбросил с плеч свой тяжелый груз. Яков Авраамович не мог так поступить — он держал на плечах не только стальную балку, но и тридцать человек, которые пытались ее согнуть. Бросая рельсу, он бы покалечил этих людей.

Во-вторых, всю вину за случившееся Чеховской взял на себя. Узнав, что организаторы этого выступления могут пойти под суд, он заявил: «Сам виноват. Видел же, что забыли привезти мою технику безопасности и мог отменить этот номер. А тут публика начала хлопать. Словом, понадеялся на «авось». Своей техникой безопасности Яков Авраамович называл большой, сколоченный из дубовых досок и обитый железом ящик, стоя на котором, он выполнял силовые номера.

ченный день публики на стадионе собралось видимо-невидимо. Пригнали три автомашины. Я шоферам объяснил, чтобы ехали через меня по доскам и скорости не переключали. Лег на спину. Земля горячая, пылью пахнет. Машины добровольцами переполнены. Ладно, сам напросился. Давай! И проехали за милую душу. Как видишь, живой. Со стадиона отпустить не хотели...»

В том, 1937 году, Якову Авраамовичу исполнилось 57 лет. И это шефское выступление было его последним подвигом. Как ни старались врачи, а с ногой становилось все хуже и хуже. И все чаще и чаще видел я отца лежащим на диване с книжкой в руках или сидящим на лавочке во дворе и о чем-то беседующим с ребятами.

А потом началась Великая Отечественная война. Узнав о моем решении идти на фронт добровольцем, отец ответил: «Сам бы с тобой пошел, да нога не пускает. Но, может, она поправится, как думаешь?»

В августе 1941 года, находясь в армии, я получил известие, что отца не стало. Он умер от разрыва сердца. И поверить в это было почти невозможно. Но человек, который многие десятилетия восхищал людей своей богатырской силой, в грозный для Родины час не мог перенести свою неожиданную беспомощность. Он все мог, но только не это.²

² Как известно, все рекорды недолговечны. Но одно из достижений Якова Авраамовича до сих пор кажется просто фантастическим. В 1913 году, выступая в Михайловском манеже — ныне это ленинградский Зимний стадион — атлет пронес на вытянутой руке шесть солдат-гранатер! Это был настоящий триумф силы и величия русского человека! Представляете, полтонны на одной руке! И в последующие годы, до самого конца своих выступлений, знаменитый Якуба с успехом демонстрировал этот удивительный номер.

Я прожил в спорте долгую жизнь и лично знаком со многими чемпионами и рекордсменами мира. И знаю, никто из них не обидится, если скажу: «Да, были люди в наше время!»

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

ПРИКАЗ № 1

Товарищи юнармейцы!

Ровно 65 лет назад декретами Совета Народных Комиссаров об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота было положено начало созданию Вооруженных Сил республики Советов. С тех пор Советская Армия успешно выполняет свою главную задачу, поставленную перед ней Владимиром Ильичем Лениным: «...оберегать завоевания революции, нашу народную власть...»

Именно поэтому история нашей армии богата примерами

ми доблести и мужества, а служба в ее рядах является почетной обязанностью советских граждан.

К выполнению этой почетной обязанности готовите себя и вы — участники военно-патриотической игры «Костра».

Поздравляя личный состав Школы будущих командиров с большим всенародным праздником — славным 65-летием со дня рождения Советской Армии,

ПРИКАЗЫВАЮ:

За успешное выполнение юнармейских заданий, актив-

ное участие в делах дружины и отрядов на Марше юных ленинцев, отличную учебу и примерное поведение наградить подарками лучших участников военно-патриотической игры «Костра»:

Провоторова Игоря, Оренбургская обл., **Остудина Андрея**, Архангельская обл., **Губайдуллина Азамата**, Башкирская АССР, **Соколова Олега**, Свердловская обл., **Русских Андрея**, Калининская обл., **Островерха Вадима**, Харьковская обл.

Главный консультант
Школы будущих командиров
Герой Советского Союза
генерал-лейтенант **Д. МЕДВЕДЕВ**

ВОПРОСЫ ЮНАРМЕЙЦАМ

1. Вы, конечно же, не раз видели, как при встрече военнослужащие отдают друг другу честь, быстро и четко поднося вытянутую, с прижатыми пальцами ладонь к головному убору. Для чего это делается? Откуда пошел этот

обычай? Кто отдает честь первым? Отдается ли честь без головного убора?

2. Перечислите воинские звания, установленные для военнослужащих Вооруженных Сил СССР.

3. Что такое воинский строй? Какие элементы строя вы знаете?

Ответы на вопросы следует писать подробно и аккуратно. **Срок присылки ответов — 1 мая сего года.**

СЫН ПОЛКА

Не было, наверное, в нашей стране мальчишки, не мечтавшего попасть на фронт в годы Великой Отечественной войны. И когда в ноябре 1943 года возле дома, где жил Витя Жук, остановилась артиллерийская часть, паренек принялся упрашивать командира взять его с собой. Целый день ходил Витя за капитаном, который поначалу и слушать ничего не хотел. Но упорный мальчишка все-таки своего добился. В то время ему не исполнилось еще и тринадцати лет...

Наши войска собирались

штурмовать занятый гитлеровцами польский город Вроцлав. Вот-вот должна начаться атака, но нет связи с соседним батальоном. А связь эта так нужна! До батальона всего-то метров шестьсот. Но местность совершенно голая, ни кустика, ни оврага, каждая пядь под прицелом фашистов. Уже двое связных не дошли до цели.

— Разрешите мне! — упрашивает Витя Жук командира. — Я маленький, верткий. Мигом проскочу.

Ох, как не хотелось коман-

диру отправлять мальчишку! Но время шло, а выхода не было.

Витя уже прополз метров двести, а мины рвутся все ближе и ближе. Вдруг взрыв совсем рядом, и ногу словно обожгло. Очнувшись, мальчик ползет дальше, оставляя за собой кровавый след. И вот уже пакет с донесением доставлен. Когда после госпиталя Витя вернулся в часть, командир торжественно прикрепил к его гимнастерке первую боевую награду — медаль «За отвагу».

СПАСАЯ ЭШЕЛОН С ДЕТЬМИ...

Много ярких эпизодов связаны с подвигами наших летчиков в дни Великой Отечественной войны. Вот что написал участник войны Иван Петрович Панкратов: «Перед моими глазами стоит подвиг, совершенный одним советским летчиком в июле 1941 г. в районе станции Мшинская. Я с группой раненых бойцов и командиров ждал на станции санитарную летучку. Помню, был жаркий день и мы, раненые, лежали в тени деревьев. На одном из путей стоял пассажирский поезд с эвакуируемыми детьми из Ленинграда. По шпалам и песочку станции бегали мальчики и девочки младшего школьного возраста, а около вагонов сидели совсем малыши — дети трех-четырех лет...

Мы с болью и тревогой наблюдали за детьми, зная, как зверствует фашистская авиация. И вдруг в небе, юго-западнее станции появился двухмоторный гитлеровский хищник...

Шли страшные минуты. Вот от самолета оторвались три бомбы, и через мгновение левее станции раздались три взрыва. Но больше бомб фашист не сбросил, — как сокол, стремительно и бесстрашно налетел краснозвездный истребитель. Фашист начал разворот, а потом нырнул вниз. Пушка и пулеметы у советского истребителя работали точно. Враг камнем пошел к земле. Последнее, что мы не увидели, а услышали, был громадной силы взрыв. «Юнкерс» упал в болото.

Находясь на лечении в Ленинградском госпитале, я услышал по радио рассказ о подвиге нашего летчика на станции Мшинская. Фамилия его — Джабидзе».

Как же сложилась дальнейшая судьба отважного летчика? 10-го декабря 1941 г. группа самолетов в составе Чиркова, Джабидзе и Шиошвили вылетела на боевое задание по сопровождению скоростных бомбардировщиков.

Пока группа летела на сближение с врагом, погода стала портиться, подул северный

ветер, гнавший кучевые облака. Десять наших скоростных бомбардировщиков развернулись и приняли боевой порядок для нанесения удара по скоплениям немецко-фашистских войск.

Но тут появились «мессершмитты». Тройка истребителей под командованием замкомэска лейтенанта Андрея Чиркова попала в крайне опасную ситуацию: оказалась зажатой в «клещи». Чирков первый сбивает огнем ведущего группы. И шестерка «мессершмиттов» с яростью набросилась на самолет Чиркова, которому грозила гибель.

Давид Джабидзе сбил нападавший на Чиркова «мессер». Ему удалось спасти боевого товарища. Но сам он был тяжело ранен. И когда опускался на парашюте, вражеские летчики вели по нему огонь.

Ленинградские партизаны нашли раненого, а потом доставили его в госпиталь.

Войну Джабидзе закончил Героем Советского Союза. Эскадрилья, которой он командовал, участвовала в заключительной битве — за Берлин.

П. КОКОШКИН,
ветеран Великой Отечественной войны

ЧИТАЯ КНИГУ

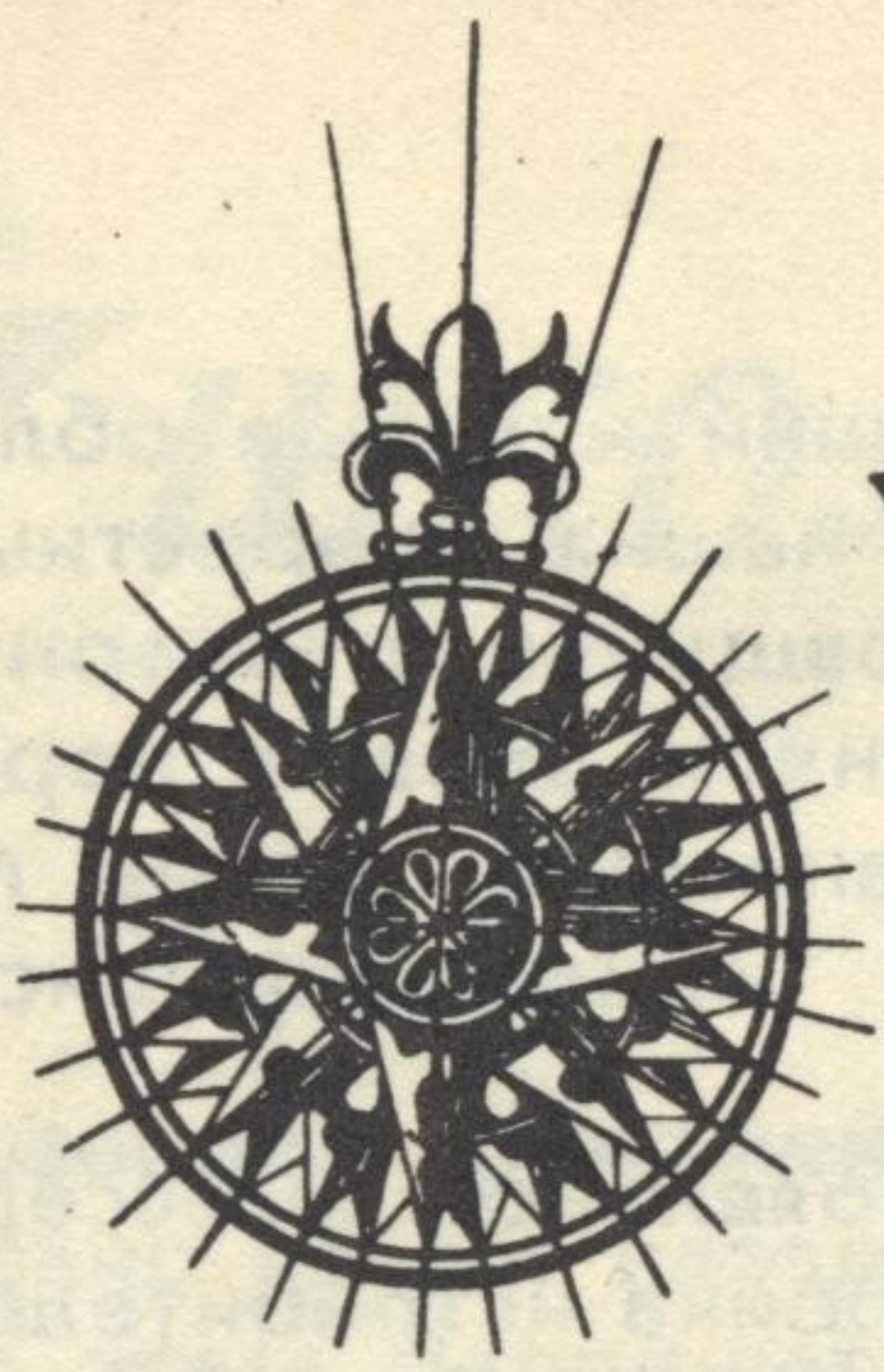
— Но мне кажется, — вмешался Портос, — что для подобной экспедиции следовало бы захватить мушкеты.

— Вы глупы, друг Портос: зачем обременять себя бесполезной ношей!

— Когда я нахожусь лицом к лицу с неприятелем, мне не кажутся бесполезными исправный мушкет, дюжина патронов и пороховница...

А. Дюма,
«Три мушкетера»

МУШКЕТ — ручное огнестрельное оружие с фитильным замком. Появилось в XVI веке в Испании. Из-за сильной отдачи мушкетами вооружались лишь отборные, физически сильные люди — мушкетеры. При стрельбе они надевали на плечо кожаную подушку. В конце XVII века мушкеты были заменены кремневыми ружьями.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания — 27-й

НЕОБЫЧНЫЕ «ПОЧТАЛЬОНЫ»

Капитан турбохода
„Ленинский пионер“
Виктор Лаврентьевич Шишалов
с пионерами Одессы

У пионеров Одессы и пионеров Гаваны почтальоны необычные — корабли! Настоящие, большие, океанские корабли — «Юный ленинец» и «Ленинский пионер».

Едва корабли причалят в Одессе, у ребят уже готовы огромные почтовые сумки с письмами и подарками — для кубинских пионеров.

Вместе с генеральными грузами — тракторами и автомобилями — поплывут в Гавану и эти сумки. А в сумках — мишки и чебурашки, коты и зайцы: их сделали умелые руки ребят из пионерского лагеря «Красные зори». А чеканка — подарки юных мастеров из Дома пионеров Ленинского района Одессы. Художники Дворца пионеров имени Яши Гордиенко посылают в этот раз рисунки и плакаты: «Не дадим взорвать мир!», «Счастье — всем детям Земли!»

Придут турбоходы в Гавану, а на причалах их ждут кубинские пионеры. Получайте вашу почту!

Обратным рейсом вместе с грузом с Кубы, сахаром-сырцом, идет и почта в Одессу: это уже письма кубинских ребят и подарки — гигантские бело-розовые раковины.

Да, а почему именно эти корабли стали пионерскими почтальонами?

Очень просто, они сделаны целиком из металлолома, который собрали советские пионеры!

Е. ЧЕЧКИНА
Фото автора

Почтовая сумка дружбы

Турбоход „Юный ленинец“

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Художника попросили сделать иллюстрации к одной книге о морских животных. Художник выполнил заказ и послал в издательство. Но в рисунках к двум таблицам произошла путаница: где животные опасные для человека, а где нет — понять было невозможно. Постарайся исправить дело!

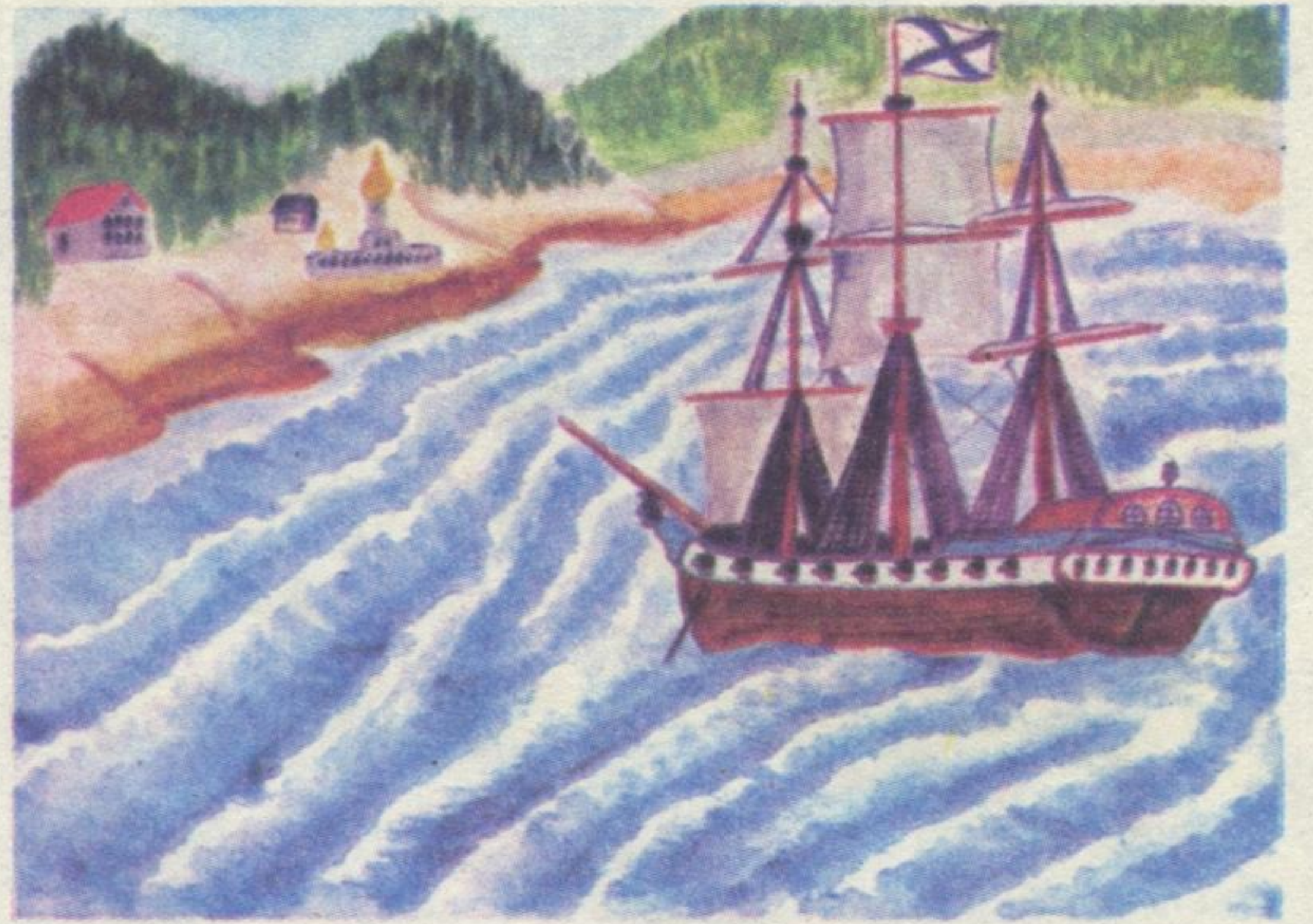
Небольшому судну подойти к причалу — нетрудно. А вот лайнерам-гигантам или тяжеловесам-танкерам — нелегко... Чуть скорость не рассчитал — поломал причал или свои борта помял. А если еще и сильный ветер прижимает?

Шведские инженеры думали-думали и придумали причал-гармошку. И сделали такой в порту Треллеборг.

Причал и вправду похож на гармошку. Судно надавит на причал бортом, а он из толстенных подушек с воздухом. Подушки из плотной синтетической ткани и сделаны так, что воздух выпускают. Только давить надо с огромной силой!

Капитаны судов, швартовавшихся в Треллеборге, говорят: «Все равно, что в мягкое кресло садишься...»

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

РУССКИЙ ФРЕГАТ У РОДНЫХ БЕРЕГОВ.
Ринат Абдуллин, Ульяновская область

ДОРОГАЯ РЕЛИКВИЯ

В Центральном военно-морском музее много бесценных реликвий: и боевые знамена кораблей, и пушки, и личное оружие моряков-героев.

Но однажды, проходя мимо витрин, обратил я внимание на... телефонную трубку. Тяжелая, большая — от корабельного телефонного аппарата. В чем дело? Почему трубка? Что за история?

И вот что я узнал.

Крейсер «Красный Кавказ» шел высаживать десант. Настороженно молчал темный берег, занятый врагом. Штормило декабрьское Черное море. Вглядывались в темноту бойцы на палубе крейсера и сильнее сжимали в руках винтовки...

Вдруг заговорили пушки и минометы врага. Фашистские прожекторы осветили крейсер. Первые разрывы ударили около борта. Ответили и пушки «Красного Кавказа». Залп! Еще один! Но фашистам целиться удобно: крейсер — весь на виду. На боевой мостик то и дело докладывают: «Дальномерщик убит!», «Выведены из строя зенитные установки!», «Связь нарушена с носовым орудием!»

Зазвонил и телефон из нижних отсеков: «Докладывает матрос Колосков! Ниже броневых поясов — пробоина!»

— Держаться можете, Колосков?

— Могу! Постараюсь заделать пробоину...

Колосков задрал стальные двери и начал борьбу с водой. Но даже мощные насосы не справлялись с ледяным потоком.

Снова и снова звенел телефон:

— В отсеке! Что вода?

— Вода по грудь!

— Держитесь! Сейчас десант пойдет на берег...

Бросился десант в атаку, вступил в бой с фашистами. Бой тяжелый.

Колоскова спрашивают:

— Что вода?

— Вода по плечи! Держусь!..

Пушки крейсера бьют по фашистам, поддерживают десант огнем.

— Что вода!

Нет ответа...

— Что вода, Колосков?

— Меня заливают...

И тогда командир приказал ему покинуть отсек и отдрать двери...

Командир понимал: опасность очень велика, вода пойдет по крейсеру, а крейсер ведет бой...

— Где Колосков? Вышел ли из отсека?

Нет Колоскова. И отсек задрен изнутри...

Только после боя с трудом моряки открыли тяжелые стальные двери и откачали воду. Не пустил дальше воду Колосков. Погиб на боевом посту. А телефонная трубка так и была зажата в его руке.

Г. ГУСЕВ

Здравствуй, Робинзон Крузо!

Вот уже почти три столетия неутомимо шагает по земле человек в странном одеянии из козлиных шкур. За спиной у него тяжелое ружье, в руках — нелепый островерхий зонтик. Он приходит в любой дом, ведет неторопливый рассказ, и его прекрасно понимают, потому что этот человек говорит на всех языках мира.

Вы узнали его? Ну конечно, это герой романа английского писателя Даниеля Дефо Робинзон Крузо.

Дефо написал за свою жизнь целую библиотеку, но только одно произведение принесло ему мировую известность — «Робинзон Крузо».

Сам Дефо никогда не бывал на необитаемом острове. Но был человек, по праву разделивший с ним мировую славу — Александр Селькирк, седьмой сын башмачника из маленького шотландского городка Ларго.

Восемнадцатилетним юношей Селькирк сбежал из дому и поступил на корабль. Первое плавание окончилось для него неудачно — на судно напали французские пираты, разграбили его, а экипаж продали в рабство. Александру удалось бежать и наняться на пиратский корабль. Через несколько лет, став неплохим моряком, он вернулся в Ларго с полным кошельком денег и золотой серьгой. Дома ему делать было нечего, и вскоре он снова отправился в поход.

Его зачислили на судно «Пять портов» штурманом. Командовал кораблем капитан Томас Страдлинг. Характер он имел крутой, а молодой штурман Селькирк уступать командиру не собирался. Стычки следовали одна за другой, а кончилось тем, что, пристав у берегов Чили к архипелагу Хуан Фернандес, Селькирк решил покинуть судно и высадился на необитаемый остров Мас-а-Тьерра. В лодку ему положили ружье, фунт пороху и еды — на один день. А через какое-то время корабль «Пять портов» потерпел крушение, и почти вся его команда погибла. Но узнал об этом Селькирк несколько лет спустя...

Он надеялся, что у острова вскоре появится какой-нибудь корабль и заберет его с собой, но день шел за днем, месяц за месяцем, год за годом, а горизонт был чист...

Но особенно предаваться унынию было некогда — нужно жить, добывать пищу, сооружать кров. Селькирк построил хижину, хотя у бывшего штурмана почти не было инструментов. Пока был порох, никаких проблем с едой не возникало. Но порох вскоре кончился. Что делать? Не будешь ведь питаться одними черепашьими яйцами. Тогда Селькирк научился ловить диких коз руками. Он стал плотником, поваром, портным. Когда износилось платье, сшил из козых шкур одежду, заменив иглу гвоздем. Добывал огонь способом первобытного человека — трением, и в конце концов сам стал похож на дикаря.

Тысячу пятьсот семьдесят дней провел Селькирк на острове, пока не увидел на горизонте парус. Это было судно «Дюк», командовал которым Вудз Роджерс. Как же удивились моряки, обнаружив на острове одичавшего человека, выросшего, в лохматых шкурах, который к тому же разучился говорить! Но самое удивительное — к появлению своих спасителей он отнесся совершенно равнодушно. Только через несколько дней Селькирк привык к английской речи и сам стал понемногу разговаривать, хотя долгая жизнь в одиночестве наложила на него неизгладимую печать — он так и остался угрюмым и немногословным.

«Дюк» покинул берега Мас-а-Тьерра в 1709 году и отправился отнюдь не в Англию — у морских разбойников были свои дела. Поэтому Селькирк вернулся домой только через три года. И не простым штурманом, а капитаном корабля, захваченного во время плавания.

В Англии уже узнали о человеке с необитаемого острова, и, вернувшись на родину, опальный штурман «Пяти портов» сразу сделался знаменит. О нем трубили газеты, известный писатель Ричард Стиль рассказал английской публике о жизни отшельника на необитаемом острове. Селькирк вернулся из плавания состоятельным человеком и обратно в море не рвался.

Так прошло десять лет. Интерес к Селькирку был уже потерян, деньги кончились, и он снова был вынужден выйти в море. Но проплавал недолго — схватил тропическую лихорадку и умер.

Даниель Дефо дал ему вторую жизнь под именем Робинзона Крузо.

Виделся ли Дефо с Селькирком? Никто не может ответить на этот вопрос определенно. Известно одно: Дефо хорошо знал историю Селькирка. Он читал и газеты, и очерк Стиля, и опубликованные записки Вудза Роджерса. Но за свой роман Дефо засел только в 1719 году, когда англичане уже забыли Селькирка, хотя он еще долго бродил по своему родному Ларго.

Два месяца понадобились Дефо для написания книги. Невероятно короткий срок! Именовалась она так:

«ЖИЗНЬ, НЕОБЫКНОВЕННЫЕ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО, МОРЯКА ИЗ ЙОРКА, ПРОЖИВШЕГО

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ В ПОЛНОМ ОДИНОЧЕСТВЕ, У БЕРЕГОВ АМЕРИКИ, БЛИЗ УСТЬЯ ВЕЛИКОЙ РЕКИ ОРИНОКО, КУДА ОН БЫЛ ВЫБРОШЕН КОРАБЛЕКРУШЕНИЕМ, ВО ВРЕМЯ КОТОРОГО ВЕСЬ ЭКИПАЖ КОРАБЛЯ, КРОМЕ НЕГО, ПОГИБ, С ИЗЛОЖЕНИЕМ ЕГО НЕОЖИДАННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПИРАТАМИ. НАПИСАНО ИМ САМИМ».

Это был первый в истории роман, изданный анонимно, то есть без подлинного имени автора. «Написано им самим...» Кем? Александром Селькирком? Кстати, он и не отрицал этого, рассказывая доверчивым слушателям о каких-то записках, которые он якобы вел на необитаемом острове, а потом передал Дефо.

За несколько месяцев книга выдержала несколько изданий и, хотя стоила довольно дорого, ни минуты не задерживалась на прилавках. Дефо, окрыленный успехом, сейчас же написал продолжение. Вторая книга не имела такого успеха, но ее все же читали. А скоро появилась и третья, но эту не читали вовсе. Остался один «Робинзон Крузо», тот самый, которого читаем мы с вами.

Почему же судьба Александра Селькирка не потрясла читателей, а только слегка развлекла, да и то на некоторое время, а Робинзон Крузо, победоносно прошестввав по странам и континентам, до сих пор остается любимым героем?

Потому что Дефо сумел не только подробно рассказать, чем занимался на необитаемом острове Робинзон и что вообще следует делать человеку, попавшему в такую ситуацию, но и показал, что он думал и чувствовал. Вспомним, как тоскует в одиночестве Робинзон, как радуется находкам и огорчается потерям, как пугается, неожиданно увидев человеческий след — и вместе с ним все это переживаем и мы, читатели.

Такова была сила фантазии Дефо, способная создавать мир, который он сам никогда не видел, и описывать события, в которых не участвовал.

Современники восприняли «Робинзона» по-разному. Одни находили в книге философское содержание, другие считали ее романом о воспитании, третьи видели в ней религиозную основу.

Время многое изменило. Сейчас уже никого не интересуют религиозные устремления Робинзона, не волнуют страницы, на которых он без конца благодарит провидение и читает библию. Нам интересен человек, который сам, своими собственными руками мастерит лодку, делает из глины посуду, сушит виноград, выращивает рис, строит жилище и охотится. И никогда, ни в чем не помогает ему божественная сила, только он сам, один способен помочь себе.

Робинзон показал всему миру, что человек может победить и выстоять в невероятно тяжелых условиях, потому что он — Человек.

А. ЯКОВЛЕВ

Весёлый ЗВОНОК

Леонид КАМИНСКИЙ

Как ЛЕНА писала сочинение

РАССКАЗ

Лена сидела за столом и делала уроки. Смеркалось, но от снега, лежавшего во дворе сугробами, в комнате было еще светло.

Перед Леной лежала раскрытая тетрадь, в которой была написана одинокая фраза:

«Как я помогаю маме». (Сочинение.)

Дальше работа не шла. Где-то у соседей играл магнитофон. Слышно было, как Алла Пугачева настойчиво повторяла: «Я так хочу, чтобы лето не кончалось!..»

— А правда, — мечтательно подумала Лена, — хорошо, если бы лето не кончалось! Загорай себе, купайся, и никаких сочинений!

Она снова перечитала заголовок: «Как я помогаю маме». А как я помогаю? И когда тут помогать, если на дом столько задают!

В комнату зашла мама и зажгла свет.

— Сиди, сиди, я тебе мешать не буду, я только в комнате немного приберу. — Она стала протирать книжные полки влажной тряпкой.

Лена начала писать:

«Я помогаю маме по хозяйству. Убираю квартиру, вытираю тряпкой пыль с мебели».

— Что же ты свою одежду разбросала по всей комнате? — спросила мама.

Вопрос был, конечно, риторическим, потому что мама и не ждала ответа. Она стала складывать одежду в шкаф.

— Кстати, передник твой постирать бы нужно, — продолжала мама разговаривать сама с собой.

«Стираю белье, — написала Лена, потом подумала и добавила: — и глажу».

— Мама, там у меня на платье пуговица оторвалась, — напомнила Лена и написала: «Пришиваю пуговицы».

Мама пришила пуговицу, вышла и вернулась с ведром и шваброй. Отодвигая стулья, стала протирать пол.

— Ну-ка, подними ноги, — попросила мама, проворно орудуя тряпкой.

— Мама, ты мне мешаешь, — сказала Лена, и не опуская ног, написала: «Мою полы».

Из кухни потянуло чем-то горелым. — Ой, у меня картошка выкипела! — крикнула мама и бросилась на кухню.

«Чищу картошку и готовлю ужин», — написала Лена.

— Лена, ужинать! — позвала из кухни мама.

— Сейчас! — Лена откинулась на спинку стула и потянулась.

В прихожей раздался звонок.

— Лена, это к тебе! — крикнула мама. В комнату, румяная от мороза, вошла Оля, одноклассница Лены.

— Я не надолго. Мама послала за хлебом, и я решила по дороге — к тебе. Уроки делаешь?

— Ага. Вот, сочинение пишу.

Оля заглянула в тетрадь и приснула со смеху.

— Ведь это все неправда! Ты же все это сочинила!

— А кто сказал, что нельзя сочинять? Поэтому и называется — «Сочинение!»

СМЕШНЫЕ ОШИБКИ

Редька бежала
и пахала морфелями.

Охотник вы-
стрелил сразу из
двух столов.

Моя мама
работает
каждовишней

Вова кружки
не своим
голосом

Тройкой лошадей
правил бородастый
язык в тулупе.

Лена Вильгельм
(ст. Аул Семипалатинской области)

Вика Войтенко
(Карансал Джезказганской обл.)

Света Минакова
(с. Александровское Ставропольского края)

Оля Филиппова (Оренбург)

Андрей Бобриков (с. Ново-Петровка Волгоградской обл.)

Конкурс «Засмеялись!» «И все» продолжается

Мушкетеры

Как-то в школьной библиотеке я смотрела книжку «Определитель насекомых», на обложке которой были нарисованы три мухи. Рядом со мной стоял маленький мальчик. Он посмотрел на обложку и сказал:

— Это что, «Три мушкетера»?

И все засмеялись.

Инна Глушак,
7 класс,
п. Барсуковка
Кустанайской области

Четвероногие друзья

Вот какое сочинение было написано в нашем классе на тему «Мой четвероногий друг»:

«У нас в квартире вместе со мной живут папа, мама, сестра, брат и два щенка. Я за ними ухаживаю, кормлю с рук. Однажды они забрались в печку и стали совсем черными. Я их отмыл, и они опять стали чистыми».

Когда учительница это прочла, все засмеялись.

Ира Гончарова,
4 класс,
Алцшта

Усердная Оля

На уроке пения мы все распевались.

— До-ре-ми! — пели ребята.

В это время учитель заметил, что Оля Петушкова что-то усердно записывает в тетрадь.

— ...Фа-соль!.. — поют ребята. А Оля продолжает писать.

— Что ты там пишешь? — спросил учитель.

— Слова записываю, — ответила Оля.

И все засмеялись.

Дима Кортаев,
7 класс,
Новосибирск

Бедная учительница

На уроке английского мы отвечали на вопросы учителя. Диалог шел, конечно, на английском языке.

И вот что мы услышали.

Учитель:

— Что находится в вазе?

Ученик:

— В вазе сидит учительница!

И все засмеялись!

Лена Тендер,
4 класс,
Новороссийск

Внимание!
Внимание!
Внимание!

Читатели!
Затамите дыхание!
Сегодня

подводит годовой итог
КОНКУРСА

«И ВСЕ ЗАСМЕЯЛИСЬ!»

Победителями
в нём оказались:

1. **ЖАННА ПАВШЕНКО**
(г. Табраде, Литовской ССР)
Рассказ «Шумный отряд» - №6-1982

2. **САША ТИТОВ**
(Балотное, Новосибирской обл.)
Рассказ «ЗА ЧТО ПАРА?» - №3-1982

3. **МАКСИМ ГЕРЦОВСКИЙ**
(г. Москва)
Рассказ «ВЕЩИЙ СОН» - №10, 1982

Эта девочка и два мальчика
станут обладателями
веселых книжек.
А этим ребятам пойдут на
«Юмористические дипломы!»

Оле Апальковой (село Кунач), Люде Левша (Калуга), Ире Цаппа (Москва), Свете Бычковой (Ростов Великий), Вадиму Котику (Южно-Уральск), Жене Сумкину (Печора), Сереже Еремяну (Ростов-на-Дону), Ире Радиной (Москва), Лене Дробушко (г. Лозовая), Саше Майнгарту (Кустанайская обл.), Ире Петрусенко (Кустанайская обл.), Игорю Витрищаку (Ворошиловград), Жанне Катанаевой (Комсомольск-на-Амуре), Вове Тарасову (Олонек), Наташе Голубевой и Наде Свешниковой (Асбест), Кириллу Чепцову (Оренбург), Зульфий Галимьяновой (Джетыгора), Наде Терентьевой (Бухарская область), Марату Миннетдинову (Целиноград), Гале Корабельниковой (Ангрен), Маше Зайцевой (Московская область), Ларисе Мирошниковой (Чита), Лене Моисеевой (Киев).

Поздравляю всех
и желаю успеха.
До новых встреч.
Ваш Учитель смеха

Рисунки
Ю. Беломлинской

ЗНАМЕНИТЫЙ физик лауреат Нобелевской премии Нильс Бор, спасаясь от фашистской оккупации, бежал в 1943 году из Копенгагена. Он не рискнул взять с собой золотую медаль лауреата, а растворил ее в бутылки с царской водкой (смесь азотной и соляной кислот) и оставил бутылку в чулане. Вернувшись после войны, Бор выделил электрическим путем золото из раствора и заказал из него новую медаль.

КОГДА Вольтера спросили, в каких отношениях он находится с богом, философ ответил: — Очевидно, в неважных, я кланяюсь ему много лет, но он мне еще ни разу на поклон не ответил.

АВТОР многих комедий Бранислав Нушич на вопрос, что такое телеграф, объяснил: — Представьте себе большую кошку, хвост которой в одном городе, а голова в другом. В одном городе тянут за хвост, а в другом раздается мяуканье. — А тогда что же такое радио? — То же самое. Только без кошки.

Ты еще не приготовила подарок маме к 8 Марта? Давай подумаем о подарке вместе. На рисунке 1 ты видишь салфетку, которую очень просто сделать.

На рисунке 2 дорожка для стола. Это уже сложная работа, которая требует аккуратности и терпения. Края

оформлены вышивкой и мережкой. Чтобы сделать мережку, продерни пять-восемь нитей (в зависимости от толщины ткани). Работу начинай слева направо. Захвати на иголку несколько нитей из продернутой полоски ткани, затягивай их, закрепляя рабочую нитку за ткань у края мережки. Закончив нижний край мережки, переходи к верхнему, отделяя те же нити, что и для нижнего ряда. Это прямой вид мережки (рис. 3).

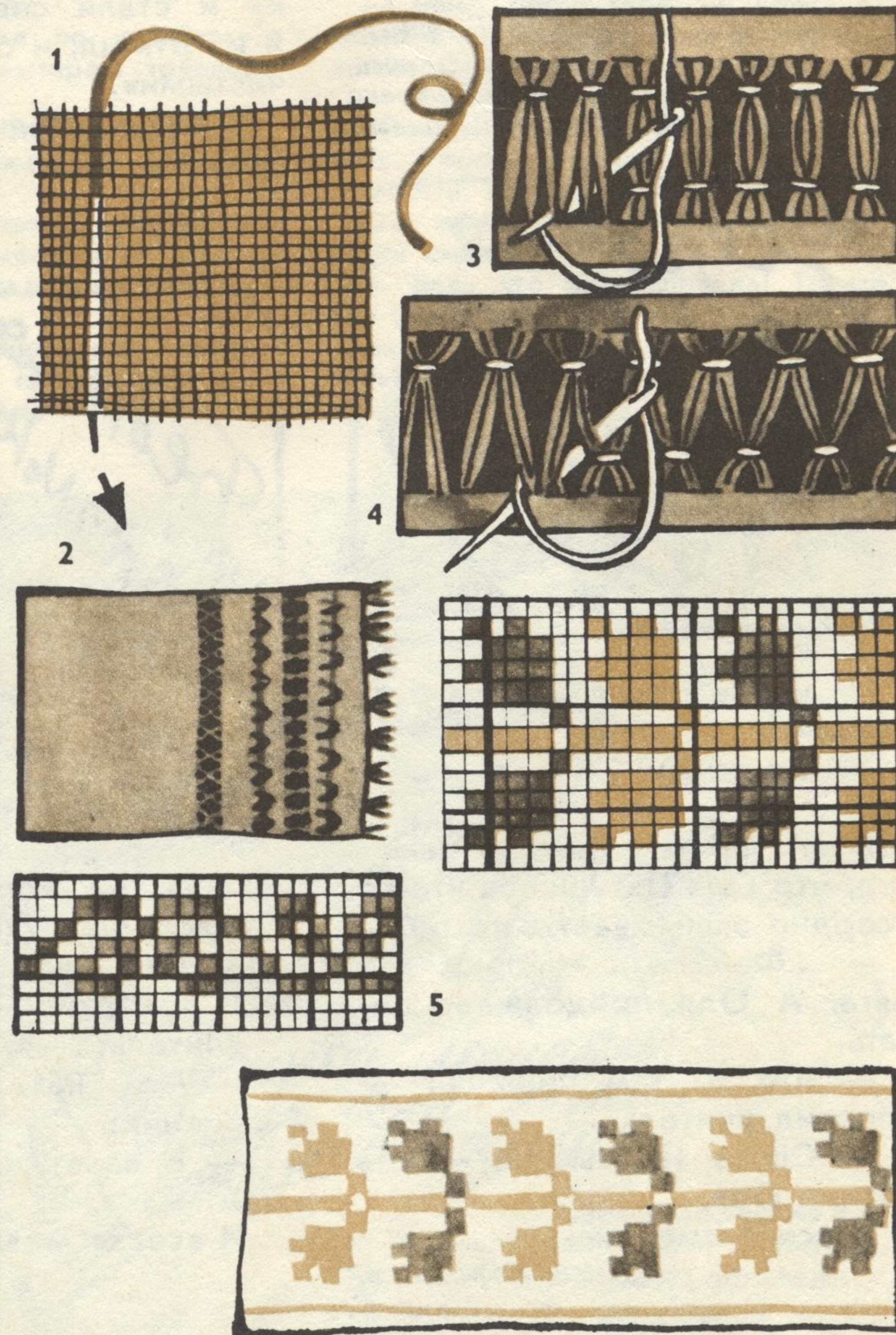
А вот перекрестная мережка: вторая сторона мережки делается не по тем же нитям, а на две нити дальше. Первый стежок верхнего края захватит две нити от первого нижнего стежка и две от второго. Вторым верхним стежком захватит две нити от второго нижнего стежка и две нити от третьего. И т. д. (рис. 4).

Очень красиво старинное русское вышивание крестиком. Для этой вышивки постарайся найти ткань с крупными ровными нитями (редкое полотно, рогожка), составляющими правильные квадраты. В основе вышивки крестиком лежат одни и те же стежки наискосок иголкой по отсчитанным нитям ткани. Русский крестик делается тоже слева направо (рис. 5).

— Как почистить замшевые туфли?

*Лена Омелина
Оренбург*

— Протри их тряпочкой, смоченной водой с нашатырем, потом пройди по ним резиновой щеткой или очень тонкой наждачной бумагой.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Я ИДУ ПО ЛЕСУ

На тяжелых лапах елей —
Снег пушистой бахромой.
Белка в мягкой шубке серой
По ветвям летит стрелой.

Стог стоит в сугробе снежном.
У дороги — ивы куст.
Мерзнут голые деревья.
Лед прозрачен, тих и пуст.

Надя Бурова.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

За окошками ветер
Хлопья снежные кружит,
И бормочут соседи:
«Вот ведь, экая стужа!»

Пусть Морозко над нами
Посмеется с крылечка.
Побежим за дровами,
И растопим мы печку.

Сразу в комнате нашей
Потеплеют окошки,
И сверчок застрекочет
Под мурлыканье кошки.

Надя Бурова.

Грязовец,
Вологодская область

СНЕЖНАЯ КАРУСЕЛЬ

Гудит в дымоходе ветер,
Скрипит по-старушечьи дверь.
А за окном, на улице
Вихрем летит метель.

Снежинки сверкают, искрятся —
Зовут меня прогуляться.

Альбина Ветрова,
Днепродзержинск

Рисунок
К. Почтенной

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Из штаба АРЧЕБЕКА передают:
 1. Первый тур Чемпионата 1983 г. Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток состоялся в «Костре» № 1.
 2. Все, писавшие заявку, к участию в Чемпионате допущены.
 3. Тем, кто заявку («Прошу включить меня...») еще не отправил, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ разрешает сделать это сейчас. Писать ее нужно на открытке, а послать в адрес — 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

ЧЕМПИОНАТ-83

Что ожидает разведчиков во втором туре?

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Kph5, Фf4, Кс8, Cf5; черные: Kpd5, Ла6, п. с6.

Б. Белые: Kpf3, Фс6, Лh4, п. b4; черные: Кре5, Сg8, пп. d3, f7.

Цель разведки: в обеих позициях (Юрий Шарашкин, Макеевка) объявить черному королю мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки. решить двухходовую задачу — значит, найти и сделать белыми такой первый ход, который по данным разведки обеспечит мат при любых ответах черных.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: b6, с7, e1, g1, h2; черные: с3, d4, d8, f4, h4.

Б. Белые: a3, b4, c1, с3; с5, h2, h4; черные: с7, d6, e3, e5, e7, g7.

Цель разведки: в обеих позициях (Владимир Левицкий, Донецк) найти за белых победные комбинации.

Разъяснение обстановки: вот пример комбинации в положении белые: d2, e1, e3, f2, f4, h4; черные: b4, b6, с5, d6, f6, h6. Белые играют 1. h4—g5! f6:h4 2. f2—g3! h4:d4 3. f4—g5 и т. д. с победой, что в принятой у разведчиков РШ записи выглядит так — 1. hg5! 2. g3! 3. g5X.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 28, 32, 33, 44; черные: 8, 18, 19, 39.

Б. Белые: 28, 29, 33, 34, 38, 40, 48; черные: 8, 9, 16, 17, 19, 20, 24.

Цель разведки: найти пути к победе белых.

Разъяснение обстановки. Чтобы здесь провести комбинации, нужно знать первое из трех правил, которыми МШ отличаются от РШ: при нескольких возможностях удара обязательно бить там, где бьется больше шашек.

Два других отличия тоже касаются ходов со взятием. Запомните их.

Второе правило: если простая с удара попадает на дамочное поле и может еще дальше бить как простая, то она, не останавливаясь, продолжает бить, но в дамку не превращается — остается простой (Б. 35, 36, 40, 42, 43; Ч. 7, 9, 17, 26, 28. После 1. 36—31! Ч. должны бить 26:39. А. тогда 2. 40—34X).

Третье правило: если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше бить как простая не может, то она останавливается и превращается в дамку. Однако эта дамка получает «дамочные права» только после ответного хода противника (Б. 35, 36, 39, 42; Ч. 8, 19, 25, 26. После 1. 36—31! Ч. должны быть 26:48. А. тогда 2. 39—34X).

СТОЛ НАХОДОК

Сюда доставлена задача из Воронежа.

Ее автор — Юрий Селявкин — спрашивает: кто сумеет дать мат в 6 ходов? Доблестные разведчики, проявите свое искусство!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 10. Задание резерву. 1. Kpg4! Решение заданий Чемпионата-82 и конкурса «Что сказал Знай?» будут в «Костре» № 4.

«Костер» № 11. Ваше мнение? После ходов 1. h4—h5 g7—g5+? Знай сказал, что выигрывает игравший белыми Незнай, который имел право побить черную пешку на проходе — 2. h5:g6+. Известно вам такое пра-

вило? **Из кладовой теории.** В позициях № 2 и № 3 белым не удастся приблизить своего короля, т. к. в обоих случаях, когда ферзь объявит стоящему на b1 черному королю шах с поля b3, король этот «хладнокровно» уйдет на a1. **Тренировочная кабина.** А. 1. b6! a5 (если 1... e3, то 2. f4 и 3. d4X) 2. f4! g3 3. e5! с ничьей. Б. Если 1... h4?, то 2. gf2! 3. cd2X. **Стол находок.** А. 1. 25! 16—21 2. 16. 22 3. 11 28 4. 7 33 5. 1 38 6. 34!X. Б. 1. 31! 2. 21! 3. 11X.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Сыграй 25 партий (разумеется, не сразу). Когда закончишь эту тренировочную серию, напиши рапорт о результате. Постарайся указать свои ошибки (если такие были, конечно!).

ПРИКАЗ № 2

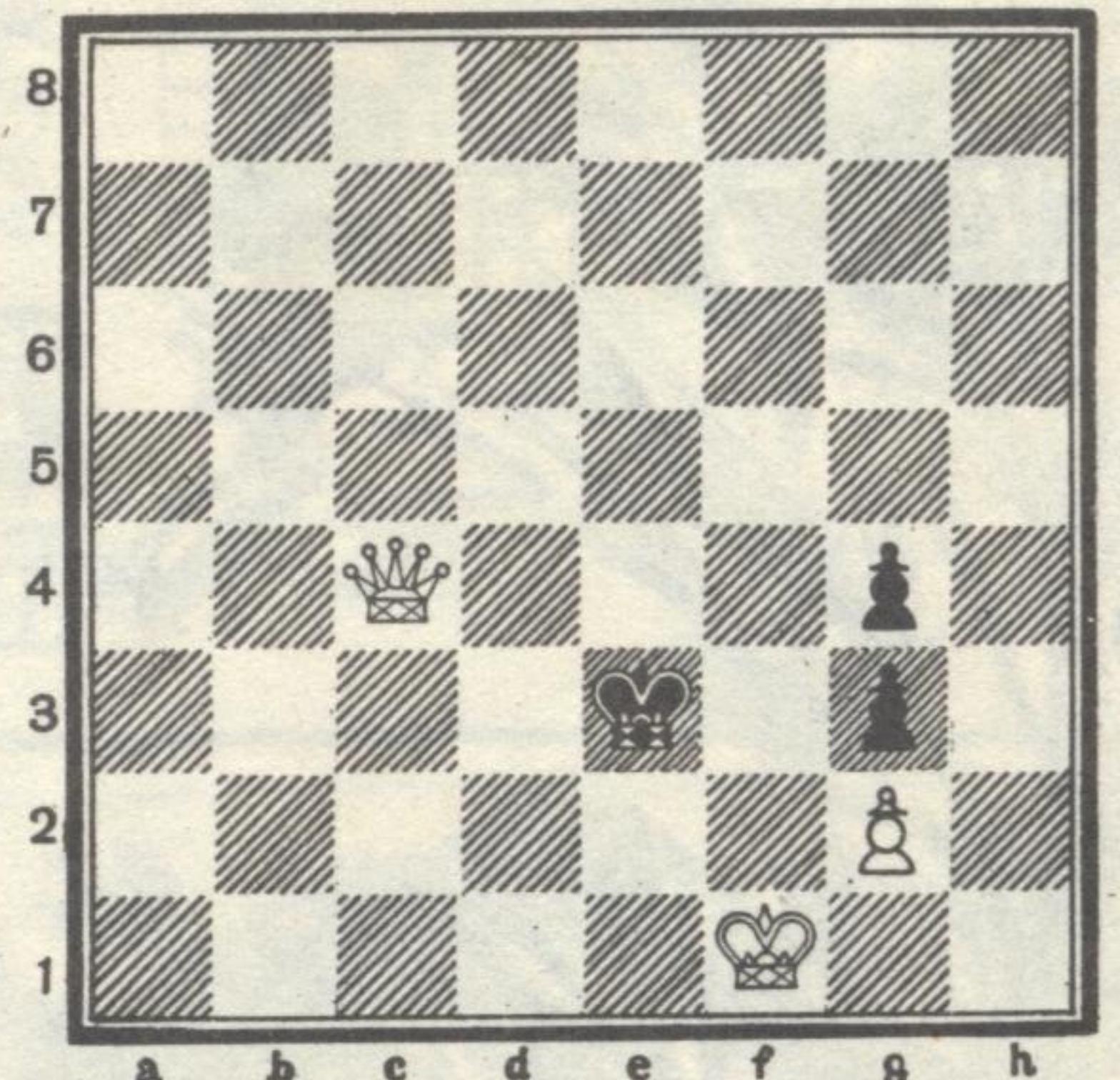
Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рапорты по Чемпионату-83 отправить до 1 мая.

§ 2. Рапортовать только на открытках или почтовых карточках.

§ 3. В левом верхнем углу рапорта указать номер тура и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Машина времени перенесла членов клуба «За семью печатями» на остров Крит в первое тысячелетие до нашей эры. Когда друзья вышли из машины, они увидели каменный лабиринт.

— Кажется, мы попали в знаменитый критский лабиринт, — сказал Разгадайка.

— Из которого, кажется, никто никогда не выбирался, — уныло заметил Дваждыдва.

Поблизости раздалась шага. Это шел древнегреческий герой Тезей. Он выбирался из лабиринта с помощью нити Ариадны.

Тезей подошел к машине времени и увидел, что нить оборвана.

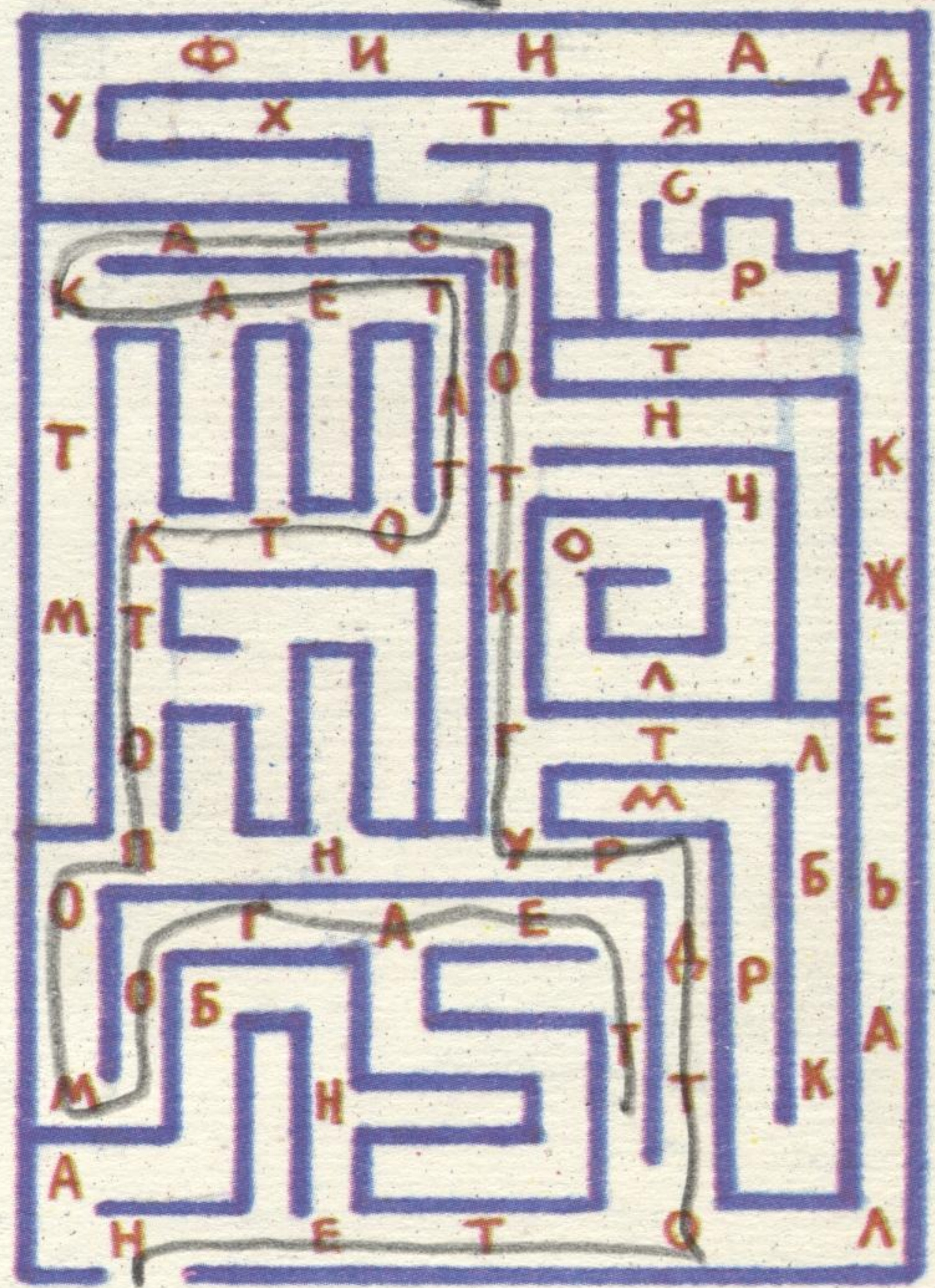
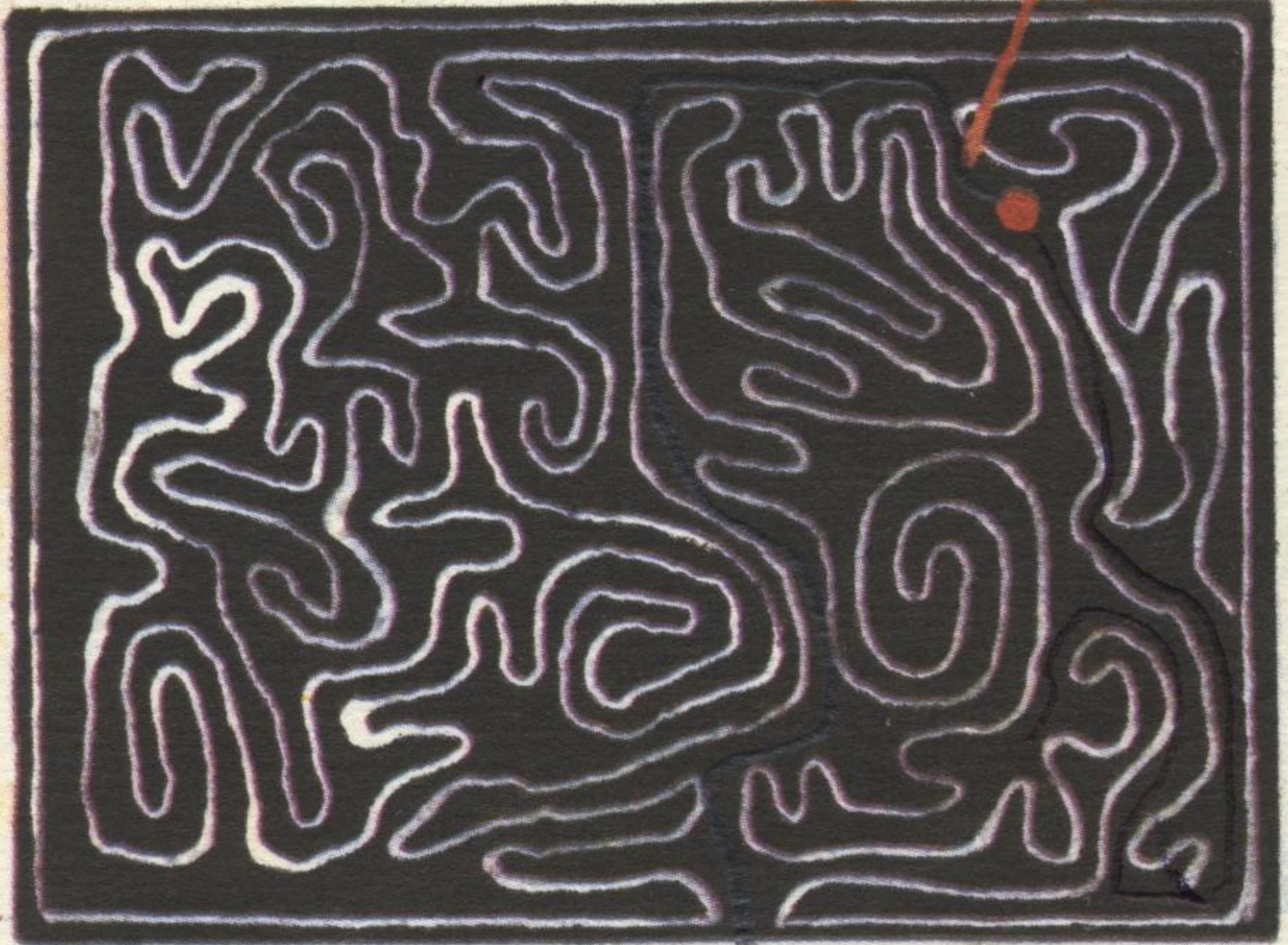
— Что же делать? — горестно воскликнул он. — Теперь я не смогу выйти отсюда!

— Ничего, — успокоил Разгадайка. — Мы, члены клуба «За семью печатями», знаем правило, с помощью которого можно выбраться из самой запутанной пещеры. Это правило правой руки. Человек, идущий по лабиринту, обязан все время держаться правой стороны. Итак, вперед!

И Разгадайка повел всех к выходу.

Впоследствии Разгадайка нарисовал схему лабиринта и показал, каким путем он шел.

Покажите путь Разгадайки и вы!

Разгадайка предложил друзьям отправиться в средневековую Францию. — В те времена, — сказал он, — символом сложности жизненного пути считался лабиринт.

Некоторое время спустя члены клуба «За семью печатями» очутились в Шартрском соборе и увидели на каменном полу сложный рисунок. Доберитесь до центра этого лабиринта!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 1

Кроссворд: 1. Кобра. 2. Трюмо. 3. Серов. 4. Олово. В закрашенных клетках: бюро.

Египетский ребус: друг познается в беде.

Кот Ангенс и Чайнвордыч зашифровали в своих ребусах одну и ту же пословицу: один за всех, все за одного.

А этот нехитрый лабиринт придумал Чайнвордыч. В нем он спрятал пословицу. Попробуйте ее прочитать!

16-81

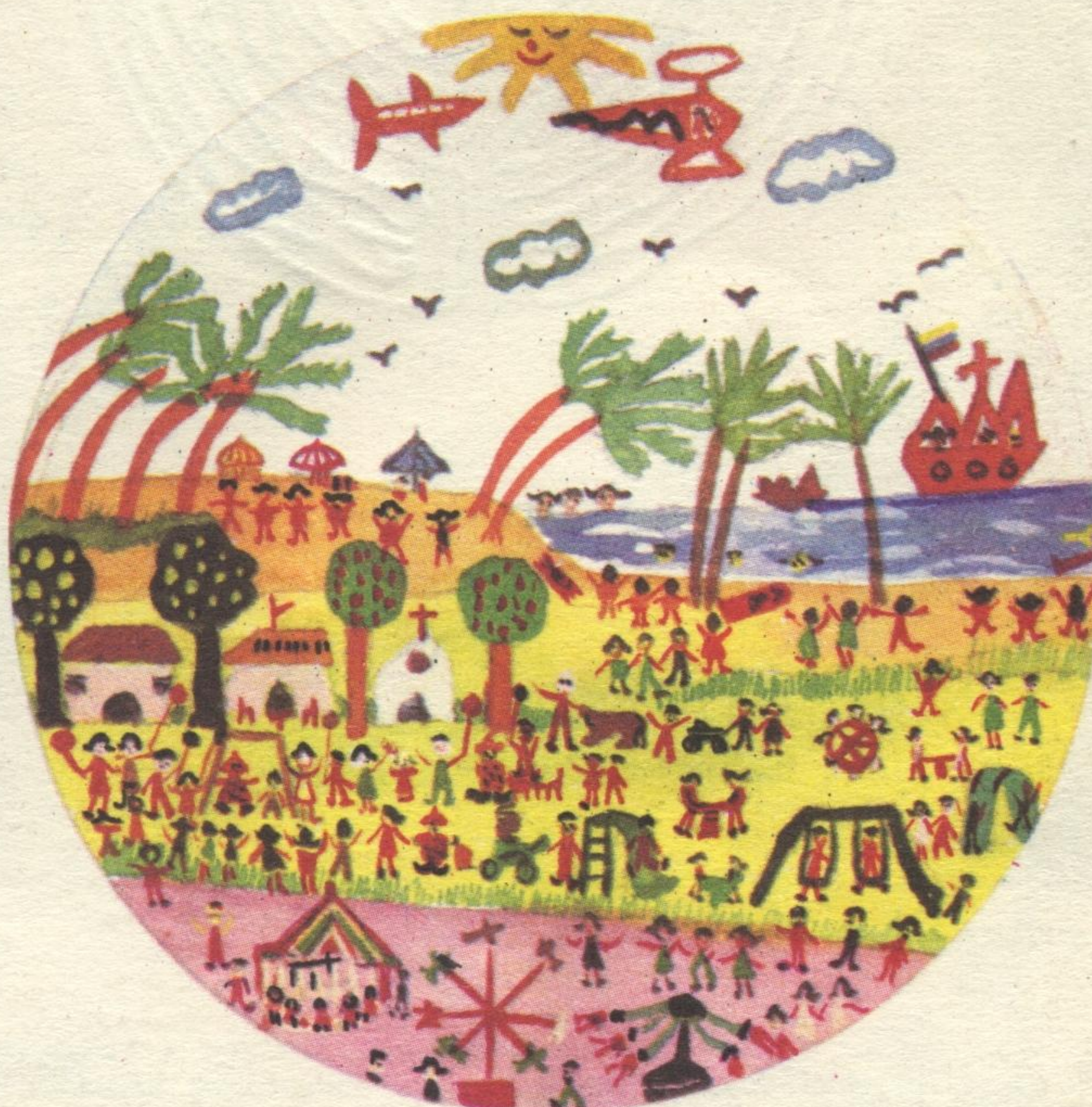

„СКАЗКА“
Эникё Хажилло, 11 лет,
Венгрия

„СБОР ФРУКТОВ“
Шамина Азад, 10 лет,
Бангладеш

„МОЯ ЗЕМЛЯ“
Мануэль Омар Паолини Гарсиа, 7 лет,
Венесуэла

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-35501. Сдано в набор 05.11.82. Подписано к печати 05.01.83. Формат 60×90^{1/8}. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,8. Печать офсетная.
Тираж 780 000 экз. Заказ 5437. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной